

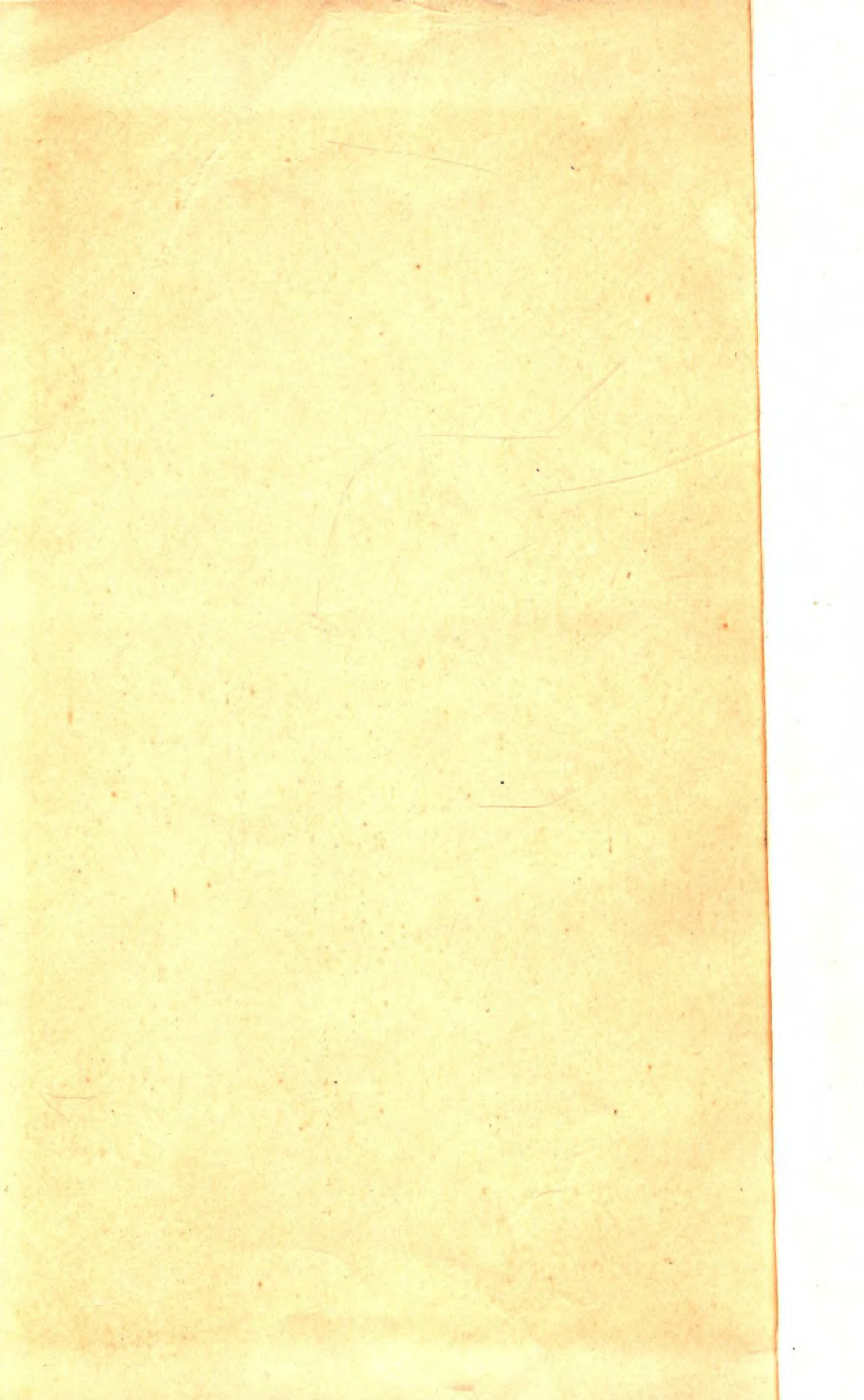
Б. ГАЛАНОВ

**БОРИС
ПОЛЕВОЙ**

© [REDACTED] *Александр
Тембович*
1962г.

Б. ГА

**БО
ПОЛ**

Критико-биографический очерк

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ
МОСКВА • 19

У Аркадия Гайдара есть сказка про Мальчиша-Кибальчиша и военную тайну. Враги Советской страны хотят выведать у Мальчиша, в чем военный секрет Красной Армии и почему они не добьются победы, когда бы они на нее ни напали. Как известно, от Мальчиша-Кибальчиша враги ничего не добились — ни угрозами, ни хитростью. За Мальчиша отвечает другая юная героиня Гайдара, пионервожатая Натка. И отвечает уже нам, читателям этой сказки: секрет силы и непобедимости Красной Армии в нас самих, в людях, в таких людях, как Мальчиш-Кибальчиш, как ее, Наткины, воспитанники, пионеры — будущие строители и борцы. «Надо работать, — думала Натка. — Надо их беречь. Чтобы они учились еще лучше, чтобы они любили свою страну еще больше. И это будет наша самая верная, самая крепкая Военная Тайна, которую пусть

разгадывает, кто хочет». Мне припомнилась сказка Аркадия Гайдара, потому что есть своеобразная переключка между раздумьями героев Гайдара и теми мыслями, которые занимают Бориса Полевого в его повестях и рассказах о советских людях. Описывая подвиги, кажущиеся на первый взгляд даже непосильными, Полевой не раз задается вопросом: в чем их секрет? И, как Аркадий Гайдар, отвечает — в людях! В наших советских людях, для которых нет ничего невозможного — ни в труде, ни в бою. Знаменательно, что самая лучшая и самая популярная книга Полевого «Повесть о настоящем человеке» даже родилась из внутреннего спора с теми, для кого военные победы Советской Армии были и остались «роковой загадкой».

В 1945 году, присутствуя в качестве корреспондента «Правды» в Нюрнберге на заседаниях Международного военного трибунала, Полевой слышал вынужденные признания рейхсмаршала Геринга, нехотя цедившего сквозь зубы, что гитлеровцы не учили «истинного военного потенциала Советов», не разгадали их главного «секрета». Они могли приблизительно верно (как им тогда казалось) подсчитать количество советских танков, орудий, самолетов, но совершенно не были в состоянии понять характер русских, советских людей. И здесь же, в Нюрнберге, в городе, который стал колыбелью фашизма, писателю захотелось рассказать о характере простого советского

человека, об одном из тех, кто разбил армию Кейтеля, воздушный флот Геринга, разрушил разбойничье государство Гитлера. Так в послесловии к «Повести о настоящем человеке» Полевой излагает историю своей книги, раскрывая в то же время и ее полемический смысл. Герой повести летчик Алексей Маресьев, с которым писатель впервые познакомился в один из страдных боевых дней, на маленьком поле-вом аэродроме под Орлом, выступает в книге под слегка измененным именем Ме-ресьева, как живое воплощение «истинного военного потенциала» нашей родины. Впро-чем, любая книга Полевого рассказы-вает о простом советском человеке, который в сложных обстоятельствах жизни оказы-вается настоящим.

Это главная тема Полевого, это, если так можно выразиться, постоянный пафос всех его книг. И к этому единому пафосу творче-ства пафос каждого отдельного произведе-ния, говоря словами Белинского, относится, как часть к целому, как оттенок, видоизме-нение главной идеи, как одна из многих ее сторон... Не случайно и своего героя Поле-вой охотнее всего показывает в момент наивысшего напряжения всех духовных и физических сил, когда ярче всего выявляется самая суть героического советского харак-тера и от того, сумеет ли человек собрать воедино волю, энергию, выдержку, зависит его дальнейшая судьба, а порой и самая жизнь. При необычных обстоятельствах за-

вязывается наше знакомство с летчиком Алексеем Мересьевым, и с молоденькой банковской машинисткой Мусей Волковой, спасающей от фашистов мешок золота, и с демобилизованным офицером Пантелеем Казымовым из повести «Вернулся», который, придя с фронта на родной завод, должен восстановить свою былую славу лучшего сталевара-скоростника. И характер комсомольца Петра Синицына из короткого, в несколько страничек, рассказа «Вклад» тоже раскрывается в ту минуту, когда на головокружительной высоте смелый монтажник-верхолаз чинит обрыв провода, гордясь своим вкладом в общий труд строителей Волго-Дона.

Кто же они, эти настоящие люди? Прежде всего наши живые, реальные современники. Настоящие в широком значении слова: настоящие советские патриоты, настоящие воины и строители, и настоящие в буквальном смысле, то есть невымышленные, реально существующие. Известный исландский писатель Халлдор Лакснесс, представляя соотечественникам автора «Повести о настоящем человеке» и его героев, так и писал в предисловии к исландскому изданию книги: «Читателям интересно будет узнать, что герой «Повести о настоящем человеке» — настоящий, в том смысле, что он не выдуман писателем, а взят из жизни. Он почитаемый человек, Герой Советского Союза». Это обстоятельство — реальность героев Полевого, — между прочим, чаще всего вызывает

удивление и недоверие. Среди зарубежных читателей Полевого раздавались скептические голоса — действительно ли его герои взяты из жизни? Не выдумка ли подвиги, которые он увлекательно описывает в своих книгах?

После того как в журнале «Октябрь» была опубликована «Повесть о настоящем человеке», один известный американский журналист, ссылаясь на собственный опыт вождения самолетов, предлагал заключить пари, что история Мересьева — сплошной вымысел, а послесловие к повести, где автор рассказывает о встрече со своим героем, попросту ловкий рекламный трюк и что написано оно с единственной целью — сделать «паблисити» книге. Даже личное знакомство с Маресьевым, кажется, мало в чем убедило этого твердолобого спорщика.

А между тем Полевой всегда или почти всегда действительно может указать на реальных прототипов своих героев, на тех живых людей, чья жизнь и судьба дали писателю «готовое» содержание. Более того, вслед за появлением в журнале «Октябрь» «Повести о настоящем человеке» редакция стала получать из разных концов страны письма. В них рассказывалось о людях сходной с Мересьевым судьбы. Таким образом, оказалось, что у Мересьева на фронте был не один прототип. Были люди сходной судьбы, о которых писатель и не подозревал. Но и тогда, когда Полевой писал свою повесть, имея в виду только Алексея

Маресьева и его подвиг, он не ограничивался ролью добросовестного стенографа, документалиста. Как справедливо было замечено, писатель переменял не одну букву в фамилии Маресьева, он придал своему герою некоторые новые черты. И не потому лишь, что за годы войны кое-какие черты образа Маресьева стерлись в его памяти; на Нюрнбергском процессе самый этот образ неожиданно приобрел для Полевого более широкое, обобщающее значение. А соответственно к готовому содержанию стали прибавляться и прикладываться новые краски, помогавшие писателю полнее выразить собственные творческие замыслы. История Маресьева, первоначально задуманная как очерк, перешагнула рамки жанра. Сам Полевой назвал ее повестью, а некоторые литературные критики и читатели стали даже называть романом. Но характерно, что работа над книгой начиналась именно с очерка. Слова: «Здесь нет вымысла», которые Полевой написал в предисловии к сборнику «Мы — советские люди», можно поставить эпиграфом ко всем его произведениям, без исключения.

Именно в этом — в обращении к живым людям, к конкретным фактам действительности — состоит важная особенность писательской манеры Полевого. И это же во многом определило жизнеутверждающий характер его творчества, потому что железная воля, целеустремленность, вера в успех, составляющие главные, отличительные особенно-

сти живых героев нашего времени, в книгах Полевого нисколько не преувеличены.

Думается, что этим, между прочим, объясняется одно весьма характерное заблуждение. Автор «Овода» Этель Лилиан Войнич, познакомившись с романом «Золото», упрекнула Полевого за то, что счастливый конец книги искусственно завершил трагическую в своей сущности ситуацию. Сравнивая развязку «Золота» с «Большими ожиданиями» Диккенса и с романом «Свет погас» Киплинга, где счастливый финал в одном случае был дописан по просьбе друга автора, в другом — по настоянию издателя, Войнич писала: «Я задаю себе вопрос, не случилось ли что-либо в этом роде и с вашим романом».

Вероятно, если бы Полевой уничтожил всех персонажей «Золота» поодиночке, его книга приобрела бы более весомое трагическое звучание, но тогда она кое в чем разошлась бы с жизненной правдой. А в жизни случилось так, что среди советских офицеров, которым партизаны в конце концов сдали мешок золота, присутствовал и автор романа. Таким образом, счастливую концовку книги как бы дописывали сами ее герои. Какими же глазами они посмотрели бы на автора, если бы, по собственному его шутливому выражению в ответном письме к Войнич, он их «угробил». Счастливая развязка повести не противоречит ее документальной основе. Тут нет разлада с действительностью и нет ничего искусственного,

натянутого, что сближало бы книгу с традиционным и почти всегда фальшивым всепримиряющим «хэппи эндом» современной буржуазной литературы.

А разве оптимизм Алексея Мересьева и его настойчивость в достижении цели подкупают нас только в книге? Определяя значение этого образа, П. Павленко справедливо замечал, что Мересьев «...несет в себе горение успеха, удачи. Он сопутствует тем, перед которыми жизнь расставила много препятствий, он вдохновитель тех, кто, преодолевая трудности, обретает неодолимую веру в свои силы». И действительно, сколько людей в разных странах мира испытали на себе влияние характера этого человека — не утешителя, а борца, который для себя не ищет и нам не предлагает рецептов легкой жизни.

Маститый ирландский писатель Шон О'Кейси, перечитавший «Повесть о настоящем человеке» в тяжелое для себя время — вскоре после смерти сына, писал: «Я читал эту книгу давно и только что перечитал ее снова. Я читаю медленно, потому что моим старым глазам теперь время от времени надо отдыхать... Книга эта — величественное повествование о подвиге, о доблестном успехе в преодолении ужасной физической немощи... Я вместе с героем пережил его мучения, его отчаяние и вышел из испытания полный решимости и мужества...» Эти веские слова заставляют к себе прислушаться. Много произведений написано с

бóльшим мастерством и с более глубоким проникновением в душевный мир человека. Но далеко не все оказали такое сильное влияние на своих читателей и не у всех складывалась такая яркая и примечательная литературная, общественная судьба, хотя наши зарубежные друзья, слабо знакомые с советским человеком, тоже могли счесть за преувеличение черты характера Мересьева и вполне чистосердечно, как Войнич, поставить это в упрек автору книги.

Но вот Шон О'Кейси в повести о Мересьеве увидел самое главное, то, что не может не взволновать, — величие духа советского человека, который, по его словам, дал миру столько надежд, столько выстрадал сам во время последней страшной войны и столько радости доставил своими победами всем друзьям человечества.

Счастье художника, что сама наша советская действительность нередко подсказывала ему удивительные ситуации, щедро снабжала материалом для создания целеустремленных, героических характеров, знакомила с такими людьми, как Алексей Мересьев. А если брать шире и говорить не об одном только Полевом, то можно добавить: как Кожух и Чапаев, как Павка Корчагин и молодогвардейцы, которые выступают в книгах Серафимовича, Фурманова, Н. Островского, Фадеева часто даже под собственными именами, но не как исключительные личности, а как типические представители

советского народа, с наибольшей полнотой выразившие черты нашего времени.

В этом смысле можно сказать, что Полевой в своем творчестве продолжает одну из замечательных традиций советской литературы — писать о живых людях, поднявшихся в своем служении родине на высоты подвига. И эта традиция, кстати говоря, составляет особенность уже не одной только советской литературы. В своей книге «30 000 ли по Китаю» Полевой рассказал о встречах с писателем Лю Шень-я, автором «Повести о Хуан Юн-чжане», и с самим Хуаном, героем повести, мастером-деревообделочником на одном из чунцинских заводов, рассказал о других встречах и других произведениях, посвященных делам и заботам настоящих, ныне здравствующих, людей нового Китая. И такие произведения характерны для социалистического общества, потому что социалистический строй помогает раскрыться лучшим душевным качествам человека. Писатель, как признается Полевой, может без страха брать героя современности за руку и выводить под собственным именем на страницах своих книг.

У Полевого постоянное внимание и прочный интерес к живым людям издавна воспитала беспокойная профессия газетчика, которая привлекала его еще в юности. Есть и прямая преемственность между журналистикой и литературой. На газетной работе приобретались необходимые для писателя качества — зоркость глаза, острота слуха,

наблюдательность и в то же время драгоценное журналистское умение, идя по следам реальных фактов и событий, раскрывать объективные закономерности нашего времени. В комплектах «Тверской правды», тверской комсомольской газеты «Смена», позднее «Правды» можно отыскать в «зародыше» почти все будущие произведения Полевого, в том числе и повесть «Горячий цех», с которой, по его собственным словам, он «начался как писатель». Вот почему и рассказ о творчестве Бориса Полевого надо начинать с газеты. Как и многие советские писатели, Полевой, прежде чем стать автором больших и малых художественных произведений, прошел основательную школу профессиональной журналистики.

2

В своей автобиографии он пишет: «Родился я 17 марта 1908 года в Москве, но вырос в городе Твери (теперь Калинин) и потому не без основания продолжаю считать себя калининцем.

Отец мой был юрист, умер в 1916 году от туберкулеза. Я его почти не помню, но, судя по хорошей библиотеке, оставшейся после него, где были собраны все русские и лучшие иностранные классики, и по рассказам матери, это был человек для своего времени передовой, широко образованный. После смерти отца мать поступила врачом в

фабричную больницу, и мы переехали во двор огромной текстильной фабрики, принадлежавшей купцам Морозовым».

Здесь среди рабочей детворы прошли детство и юность писателя. Мать всегда была по горло занята в больнице. Часто у нее не оставалось времени для сына. Он мог целым дням пропадать у своих друзей на окраинных слободках и в рабочих «спальнях», как звались тогда морозовские общежития.

В городе выходила губернская газета «Тверская правда». Еще будучи шестиклассником, Полевой отнес туда свою первую заметку о посещении их школы известным поэтом-крестьянином Спиридоном Дрожжиным. Семистрочное сочинение украшала громкая подпись: «Овод». Правда, к заметке «Овода» в редакции отнеслись не особенно почтительно. Ее напечатали где-то на задворках четвертой полосы, выкинув подпись. Но автор был удовлетворен и этим. Ободренный первым успехом, он стал писать в газету о разных неполадках городской жизни. Связь с редакцией окрепла, стала серьезней, когда Полевой учился в Промышленном техникуме и когда по окончании техникума работал в лаборатории ситценабивной фабрики огромного текстильного комбината «Пролетарка». То было время бурного расцвета рабкоровского движения. И рабкоры «Пролетарки» на своем предприятии тоже играли заметную роль. В одной из статей Полевой рассказывал, как по окончании работы он со

своими товарищами рабкорами торопился в фабричный отдел редакции, для которого всеильные рабочие корреспонденты отвоевали пустующее здание водокачки. «Там мы собирались под руководством слесаря Ивана Гурьянова, критиковали администрацию наших фабрик, намечали планы рабкоровских рейдов, писали в «Тверскую правду» о самом интересном, что за этот день произошло на всех четырех фабриках комбината, а интересного, удивительного, нового было столько, что блокноты всегда были полны».

В один из летних месяцев Полевой, договорившись с редакцией о серии очерков, посвященных лесорубам и сплавщикам, на время отпуска уехал в Селижаровский уезд Тверской губернии, где поступил на лесные заготовки, а затем на плотях спустился вниз по Волге. Свои очерки он писал по ночам, после напряженного трудового дня, у костра, разложенного на плоту. В другой раз Полевой отправился избачом в глушь тверской Карелии, в село Микшино, откуда посылал в газету корреспонденции о ростках новых, социалистических отношений в жизни доколхозной деревни. Уже с первых шагов журналистской, литературной деятельности у Полевого проявляется черта, которая стала определяющей для всей его творческой работы, — писать о том, что хорошо знаешь, что видел сам. Даже первое свое художественное произведение с разухабистым названием «Мемуары вшивого человека», изданное в 1927 году в Твери, он писал после того,

как, переодетый и загримированный под обитателей ночлежек, провел несколько дней в компании воров и бродяг, выдавая себя за известного налетчика, приехавшего «на гастроли» в Тверь.

Впрочем, добросовестность оказалась чуть ли не единственным достоинством первой книжечки молодого автора. Тут еще не чувствовалось ни умения осмыслить и обобщить свои впечатления от знакомства с преступным миром, ни даже попытки строго отобрать материал и подчинить его единому плану. Недаром в предисловии приводились наивные, но очень характерные признания самого автора, что материал его «давит... И то надо, и это». И дальше: «Материалищу много, да вот распоряжаться не умею». И действительно, с какой, например, старательностью Полевой вписывал в речь бродяги Куклима, от лица которого ведется рассказ, воровские слова и выражения, подслушанные в тверских ночлежках. Вероятно, в то время он искренне считал, что «блатная музыка» должна в такой книжке задавать тон. Во всяком случае в его собственных глазах это придавало ей достоверность, хотя злоупотребление воровским жаргонным языком и, скажем, заодно нарочитая грубость авторских описаний могли только отпугнуть от чтения «Мемуаров».

Тем не менее друзья Полевого из комсомольской газеты «Смена», в том же 1927 году начавшей выходить в Твери, гордясь дебютом товарища и желая поддержать актив-

ного рабкора, даже без ведома автора переслали книжку Полевого прямо Максиму Горькому в Сорренто, с тайной надеждой, что Алексея Максимовича заинтересуют очерки о людях «дна».

Весть о пересылке книги Горькому испугала молодого литератора.

«Но каково же было наше общее и прежде всего мое удивление, — рассказывает он, — когда по прошествии нескольких недель в редакцию прибыл адресованный мне объемистый конверт с синими иностранными марками и почтовым штемпелем: «Сорренто»!... В нем было большое, написанное от руки на пяти страницах письмо. Со свойственными ему терпением и тщательностью Горький разбирал мой скороспелый труд, критиковал сюжет, образный строй очерков, давал советы, рекомендовал учиться».

Особенно доставалось молодому автору за уродливый язык. Алексей Максимович подробно разбирал стиль очерков, объясняя, чем плохи такие, например, образы: «Ночлежка — каменный череп», «Лампочки, точно желтые глаза собаки». Он писал: «Так же, как токарь по дереву или металлу, литератор должен хорошо знать свой материал — язык, слово, иначе он будет не в силах «изобразить» свой опыт, свои чувства, мысли, не сумеет создать картин, характеров и т. п.». И в заключение Горький, обобщая разговор, советовал своим молодым корреспондентам из Твери не торопиться хвалить друг друга за малые успехи.

«Помню, — рассказывает Полевой, — схватив это письмо, я выбежал из редакции и снова перечитал его от начала до конца, стоя под заиндевелым старым тополем возле редакционного подъезда. Потом, точно во сне, пошел на набережную Волги, брел по ней, пока она не кончилась и не потянулись занесенные снегом пустыри, присел там на какие-то бревна и снова перечитал, вдумываясь в каждое слово».

Горький учил молодых тверских литераторов внимательно присматриваться к жизни, глубже оценивать и осмысливать факты действительности, а главное, напоминал им, что в журналистике, как и в литературе, нельзя рассчитывать на успех, если заниматься этим делом походя, «между прочим».

В 1928 году Полевой увольняется с фабрики, где, к слову сказать, его уже давно в шутку называли «писателем», и становится штатным сотрудником живой, задиристой комсомольской газеты «Смена», а затем губернской газеты «Тверская правда». Перед молодым журналистом открывалось широкое поле деятельности. По всей стране развертывалось движение ударников, оформлялись социалистические договоры. Не везде и не сразу отнеслись к ним сочувственно. Отсталые рабочие встречали первых ударников кто насмешливо, а кто и настороженно. Вспомним хотя бы электрика Жорку Решетова из повести Полевого «Горячий цех». Он именует ударников не иначе, как выскочками, ловцами наград и орденов, а

борьбу за темпы и качество презрительно называет погоней за длинным рублем. Такие настроения были только на руку предельщикам и обюрократившимся людям, не говоря уже о прямых врагах советской власти. Порой в темных коридорах морозовских казарм или на окраинных улицах Красной слободки ударников подстерегали с ножом. Новое завоевывалось в упорной борьбе, с кровью и жертвами. И журналист губернской газеты находился в самой гуще этой борьбы. Жизнь обитателей ночлежных домов уже больше не занимала Полевого. А если бы ею занялся кто-то другой из сотрудников газеты, вероятно, в те дни начала осуществления великих планов первой пятилетки над ним стали бы смеяться его же товарищи по газете; однако в какой-то мере впечатления, накопившиеся у Полевого,годились ему для будущей работы и отразились в тех главах «Горячего цеха», где Женька Сизов вспоминает годы юности, когда он был еще маленьким, оборванным и вшивым бродяжкой. Героем оперативных корреспонденций, очерков и рассказов Полевого прочно и надолго становится рабочий человек, ударник. Впрочем, рассказы Полевой в печать не отдавал. Помня совет Горького, он пока писал их только для себя.

Но как очеркист он работает много, активно и в 1929 году в качестве делегата тверской организации писателей выступает на пленуме правления РАПП. Кстати, на

этом же пленуме выступал Маяковский, который, сославшись вначале на речь Полевого, высказал горячее пожелание, чтобы на пленуме вместо косноязычных докладов «теоретиков» РАПП больше слышалось таких сообщений с мест. «Например, товарищ из тверской организации говорил то, что я в другой обстановке никогда не узнаю», — подчеркивал Маяковский.

Из рассказов Полевого, редко появлявшихся в печати, да и то уже гораздо позднее, пока хочется отметить только два — «Арию Ленского» и «Победу», особенно «Победу». Тут есть и противоборствующие, резко очерченные, беспокойные характеры и напряженный сюжет, хотя, на мой взгляд, благополучное примирение противников в конце рассказа «Победа» выглядит, пожалуй, несколько идиллическим. Во всяком случае, сравнивая этот рассказ с более ранними вещами Полевого, отчетливо видишь, что писатель, следуя совету Горького, настойчиво учился «владеть техникой литературной работы». У него уже меньше попадает «промахов технических» — и в стиле, и в композиции, и в языке. На малой площади рассказа Полевой сумел показать большое: картину героического труда советских людей, добывающих уголь из-под озера и в час катастрофы спасающих свою шахту от затопления, а на этом фоне — острое столкновение двух главных героев рассказа — инженера Кулькова и знатного забойщика

Петра Стороженко, которые одновременно и помогают друг другу и враждуют из-за голубоглазой подъемщицы Вари...

3

В персонажах повести «Горячий цех» старожилы Калининского вагоностроительного завода без труда узнавали товарищей по работе, потому что все эти персонажи имели прототипов в жизни. Себя самого Полевой, вероятно, изобразил в последних главах, где появляется очеркист, известный тем, что он, как тогда говорилось, «поднимал» в газете почины новаторов. Впрочем, до сих пор очеркисту больше удавалось «поднять» внешние обстоятельства и причины, а хотелось добраться до самых истоков трудового подвига и объяснить своим читателям, в чем же суть мастерства, возвышающего труд простого рабочего до подлинного искусства. Правда, такой материал стоит книжки, а не трехколонника в газете. «Да, именно книжки», — говорит он парторгу горячего цеха, когда герой повести Евгений Сизов ставит новый замечательный трудовой рекорд, но тут же доверительно, с оттенком некоторого сомнения добавляет: «Я еще книг не писал».

Чем же привлекала первая повесть молодого очеркиста? Прежде всего скажем о чисто журналистской привычке глубоко «влезать» в материал, привычке, от которой Полевой не отказывался, переходя к художе-

ственной прозе. Например, сущность метода молодого кузнеца Евгения Сизова и его учителя Ильи Лузгина в повести показана с такой наглядностью и профессиональной точностью, как бы «изнутри», что на многолюдной конференции читателей московского завода «Серп и молот», организованной вскоре после выхода книжки, рабочие прямо говорили о том, сколько практически полезного они почерпнули в книге для собственной деятельности. Много горячих приверженцев и друзей нашлось у бригадира Ильи Лузгина после войны и в странах народной демократии. Организуя труд по его методу, читатели-рабочие добивались больших производственных успехов. Об этом рассказала газета «Скынтейя» в рецензии на румынское издание повести Полевого, об этом писал, прочитав книгу, бригадир литейного цеха румынского завода «Совремтрактор» Негру Николас. Воспользовавшись опытом Лузгина, его бригада удвоила производительность труда. В Венгрии, на одном из заводов, где удачно переняли приемы лузгинцев, слесарно-механическому цеху, то есть цеху холодной обработки металла, по предложению рабочих даже было присвоено имя «горячего».

Но повесть Полевого не встретила бы столь сочувственного внимания читателей и критиков ни при своем появлении в 1939 году, ни при новом переиздании 15 лет спустя — в 1954 году, когда для многих полузабытая книга родилась вторично, если бы точ-

ность производственных описаний, так сказать, практическая сторона дела, оказалась ее единственным достоинством, а главный конфликт исчерпался борьбой за «экономии секунд» и более разумное использование новой техники.

Дело в том, что хорошее знакомство с предметом, внимательное изучение материала, которое, как это ни парадоксально, на первых порах даже оказало плохую услугу автору, с протокольной добросовестностью воспроизводившему в «Мемварах вшивого человека» жизнь обитателей ночлежки, их блатную речь, в «Горячем цехе» не носит следов школярства. Тут молодой писатель уже становится хозяином материала и умеет творчески им распорядиться. Описание кузнечного цеха сделано человеком, который бывал на заводе не как гость и экскурсант. Он свой человек в кузнице. Многих кузнецов он не только знает в лицо. В работе каждого из них он открывает свои тонкости, свои оттенки, определяя «стиль» Лузгина или «стиль» Сизова. Но специфика материала отнюдь не отяжеляет повествования, потому что не становится самоцелью и не заслоняет от нас главного — человека.

Герои повести менее всего похожи на примитивных, схематичных персонажей тех «производственных» рассказов и повестей, какие пишутся по сию пору и которых — увы! — было немало в литературе предвоенных лет. Человек оказывался в них только скучным придатком машины. А в повести

Полевого частная жизнь человека и его трудовая деятельность нераздельны; сложные душевные конфликты являются предметом постоянного внимания писателя. Поэтому и наш интерес к книге внушен прежде всего интересом к герою, к тем внутренним процессам, которые совершаются в его душе.

Вспомним, как постепенно менялся характер Евгения Сизова. Не упрощая и не сглаживая противоречий, писатель показывает, что новое «с трудом, с болью и борьбой» входило в его (Евгения) жизнь», шаг за шагом вытесняя, побеждая старое. Что же тут сыграло решающую роль? Конечно, доверие и забота бригадира Ильи Лузгина, который почувствовал, разгадал в Женьке талант настоящего умельца. Затем постоянное внимание и поддержка цехпарторга Федорова. Еще любовь к Насте. По-своему, но тоже весьма решительно она ведет борьбу за такого Сизова, каким хочет его видеть. Но главным, решающим все же было благотворное влияние коллектива, облагораживающее воздействие социалистического труда на человека. И это, между прочим, сближает повесть Полевого с другим произведением молодой предвоенной прозы — повестью Юрия Крымова «Танкер «Дербент». В самом деле, что заставляет внутренне измениться весь тот пестрый сброд, который собрался на «Дербенте», всех этих людей «лукавой и мелкой породы», как поначалу называл их механик Басов? Увлеченность большими трудовыми

делами, которые разворачиваются на «Дербенте». И, напротив, что сделало их «пестрым сбродом», их, а заодно и Женьку Сизова, как не отсутствие, опять пользуясь словами Басова, «связи с делом», как не ослабление интереса к общему делу?

С какой неприязнью и даже злостью думает сначала Женька о больших обязанностях, которые накладывает на него новое положение — члена знаменитой, видной всей стране, лузгинской бригады, с каким упрямством цепляется он за старые индивидуалистические привычки; и в то же время, боясь осрамиться перед своими новыми товарищами, он настойчиво начинает приобретать опыт и знания, отлично сознавая, что ему, как кузнецу, тоже еще надо заслужить честь работать у Лузгина, хотя формально он давно уже зачислен в его бригаду. Все это черты сложного и противоречивого характера, недостатки которого Полевой не собирався приукрашивать. Ведь даже становясь рационализатором, известным на заводе человеком, Сизов еще долго не может «выжечь» в себе мужика, научиться заботиться не только о себе и своей бригаде, но прежде всего об интересах общих, государственных. Вот почему он так упрямо сопротивляется намерению Лузгина передать чертежи его, сизовского, приспособления для нагревательной печи Семену Золину, с которым соревнуются лузгинцы. При этом Женька больше всего опасается, как бы теперь их не «обштопали» конкуренты. У него в го-

лове еще никак не укладывается, зачем Лузгину понадобилось разглашать «секреты» своей бригады вместо того, чтобы ревниво оберегать их от других. Но, быть может, отчетливее всего глубину душевного переворота, совершившегося в озлобленном, угрюмом и замкнутом парне, изломанном долгими годами беспризорничества, передают не споры с Лузгиным, не доверительные беседы со старым большевиком — рабочим Кухаровым и даже не решающее объяснение с гордой и вспыльчивой Настей, а описание рекордов Сизова.

Именно в этой сцене, когда со всей полнотой проявляется новое отношение Сизова к труду, как к главному делу жизни, и новое его отношение к коллективу, ярче всего видно, как далеко ушел воспитанник и преемник знатного бригадира Лузгина от вчерашнего закоренелого индивидуалиста, трепача и лодыря Женьки Сизова, которого еще недавно даже пытались использовать в своих интересах окопавшиеся на заводе вредители.

Ведь дело не только в том, что, перенимая приемы и методы Лузгина и создавая свои собственные, усваивая удивительный лузгинский трудовой ритм, лузгинскую слаженность и четкость движений, Сизов сумел достичь подлинного мастерства. В конце концов в этом могли сыграть и действительно сыграли немалую роль Женькино честолюбие и гордость, желание не ударить в грязь лицом перед новыми товарищами, пе-

ред Настей и т. д. А самое главное и самое важное то, что труд стал для Сизова творчеством. Вот это уже принципиально новое качество. И эту яркую примету социалистического общества — отношение рабочего человека к труду не как к проклятой необходимости, а как к творчеству, искусству — выделяет и подчеркивает Полевой в облике своих героев. Недаром эпиграфом к повести поставлены слова Пушкина о том, что вдохновение необходимо в геометрии, как и в поэзии.

Другой вопрос — что же сделало труд рабочего человека творческим, вдохновенным? Всем содержанием своей повести Полевой отвечает и на это. Убеждая Лузгина не передавать Золину его, Сизова, изобретение, Женька мог еще всерьез думать, что бригадира толкают на трудовые рекорды, на поиски новых, смелых решений личная корысть, желание прославиться и заработать побольше денег — одним словом, все те чувства, которые не раз примешивались к его собственным поступкам. Пройдет еще немало времени, прежде чем он сам осознает, что кроме узколичных есть и другие, куда более глубокие, — если можно так выразиться, — общегосударственные причины, заставляющие рабочего человека добиваться рекордной производительности труда.

И тут опять хочется обратиться к последней, заключающей повесть, сцене трудового подвига Евгения Сизова и его товарищей. Она волнует не только потому, что

хорошо написана. Она логически завершает события книги, ее внутреннюю тему. В слитных, согласованных действиях пятерки людей, в достигнутой ими общей трудовой победе нашли отражение их долгие напряженные усилия, неустанная работа беспокойной рационализаторской мысли, борьба за «экономию секунд» и, самое главное, то, что сделало труд творческим, одухотворенным, — чувство высокой ответственности рабочего человека, ощутившего себя творцом и строителем новой жизни.

Такова проблематика первого произведения Полевого. Как видим, повесть коснулась центральных, коренных вопросов современности, заговорила о тех новых, знаменательных процессах, которые совершались в годы первых пятилеток в среде советского рабочего класса. Вместе с Юрием Крымовым, вместе с другими молодыми прозаиками Полевой как бы отзывался на торьковский призыв — избрать основным героем наших книг человека, который делает труд более легким, продуктивным, возводя его на степень искусства.

То, что Полевой сумел показать победу Сизова на этом главном направлении, не обойдя личных, бытовых конфликтов, не отделяя личное от общественного, а связывая их воедино, было успехом молодого писателя.

Изображение процессов труда в повести всегда опозитизировано отношением к ним человека. Но и человек, как уже говорилось, в свою очередь испытывает, не может не

испытывать, благотворное воздействие труда. Поэтому самые описания картин труда органически входят в сюжет повести, дают ему движение, помогают выявиться характерам людей. Более того, с удачами и неудачами в труде органически связаны жизненные судьбы героев повести, в частности сложные отношения Сизова и Насти, которые на протяжении всей повести никак не могут пожениться. Много в поведении этих двух молодых людей схвачено верно. Проверая характер Сизова прежде всего по его отношению к труду, когда он раскрывается то отрицательными, то привлекательными своими сторонами, Настя то ссорится, то мирится с ним, то негодует, то одобряет. И это помогает молодому писателю набросать сложную, во многом неожиданную, но правдивую историю их отношений, потому что внешняя неожиданность, нелогичность некоторых поступков подсказывается внутренней логикой развития образов, вытекает из самых характеров действующих лиц. Да и фигуры других участников бригады Лузгина получились довольно живыми, хотя и более статичными. Они тоже не легко добывают победу и счастье, знают горечь поражений и радость удач. Все это вместе и создает атмосферу жизненности.

Слабее продумана композиция книги. В ней есть лишние, проходные, необязательные эпизоды, есть ненужные в сюжете персонажи, вроде, например, нагревальщика Петра Жолобова, одного из членов бригады

Лузгина, который потом исчезает со страниц повести, не оставляя никакого следа. Отсюда впечатление некоторой рыхлости, несобранности материала. Как бы не доверяя себе, своему умению достаточно полно раскрыть характер человека в поступке, в действии, писатель вдруг принимается подробно объяснять и комментировать поведение своих героев. С какой наивной старательностью он описывает чувства Евгения, когда тот ловит на себе быстрый взгляд синих Настинных глаз, слышит задушевное звучание ее низкого голоса, видит ободряющую улыбку. Тут-то чаще всего и являются готовые литературные штампы. И хотя в повести Лузгин сердито подшучивает над очеркистом, описавшим в газете его «серые, круглые, соколиные глаза» и «мужественный подбородок», сам Полевой тоже грешит описанием «ярких, полных, чуть приоткрытых губ», «вздрагивающих ноздрей», «круто изогнутых бровей». Впрочем, такие традиционно-безликие характеристики не мешали героям книги остаться живыми и, к счастью, совсем непохожими друг на друга. Сизов и Лузгин, Настя Климко, наконец, машинист Кухаров, с виду как будто «совсем пустяковый старишка», а по существу душа бригады, ее совесть, — все это люди новой породы, суровые и отзывчивые, веселые и строгие, живое воплощение тех героических дней. И самый стиль книги — угловатый, чуть неуклюжий, кое-где даже режущий слух нарочитым подчеркиванием грубого, — в целом под стать

своему суровому времени. Да и главный образ «трудного», неуживчивого парнишки Евгения Сизова, вольно или невольно, воспринимается как полемический, заостренный против тех схематичных, порою не ведающих трудностей образов ударников, которые в книгах оказывались элементарнее и духовно беднее своих реальных прототипов.

Писатель верит в своего героя, в его силы и возможности. И заражает этой верой нас, читателей. Показывая Женькины срывы — грубость и даже пьянство, он не боится уронить его в наших глазах. Ведь не так-то просто и легко совершается оздоровление человека. А у Женьки есть чудесные задатки, которые не могут окончательно заглухнуть. Женькино упорство и настойчивость в достижении цели уже сродни мересьевскому. Это еще не Мересьев, но люди такого склада, как Сизов, в трудных обстоятельствах тоже не струсят и не отступят.

4

В годы Отечественной войны Борис Полевой снова газетчик, очеркист, корреспондент, только теперь уже военный. Его имя часто встречается в «Правде». Можно сказать без преувеличения, что он стал одним из самых неутомимых ее корреспондентов. В дни наступления наших войск случалось даже так, что на газетном листе сходилось сразу два его материала. Тогда один печат-

тался под настоящей фамилией — Кампов, другой под псевдонимом Полевой. К этим торопливым строкам военных корреспондентов, вероятно, не раз будут обращаться историки минувшей войны. Но у нас пока редко обращались — и скоро ли обратятся? — к обобщению коллективного опыта самих военных журналистов. Статьи, очерки и корреспонденции, рожденные войной, еще, по-видимому, ждут своих энтузиастов-исследователей. А ведь то было время расцвета публицистических жанров, оживления самых прекрасных традиций русской литературы. Илья Эренбург писал в разгар войны, что люди теперь раскрывают газету прежде, чем раскрыть письмо от близкого друга. Газета стала письмом, адресованным лично тебе. От того, что стояло в газете, зависела и твоя судьба. Как же внимательно надо изучить и проанализировать темы, стиль, язык этих, потрясавших сердце писем, а заодно рассказать молодым читателям и о том, как, в какой обстановке создавалась живая летопись войны.

Ведь если попробовать шаг за шагом восстановить не только историю возникновения, но хотя бы даже передачи с фронта в редакцию иной оперативной заметки, получится рассказ, полный захватывающего интереса. В веселой и грустной песенке военных журналистов не случайно говорилось: «Жив ты или помер, главное, чтоб в номер материал успел бы передать...» Фронтовые журналисты хорошо знали цену этому шут-

ливому как будто совету. В трудных боевых условиях его исполнение нередко бывало сопряжено с риском и почти всегда требовало энергии, находчивости, изобретательности. И сейчас, спустя годы, многим писателям-фронтовикам их скромная военная корреспонденция, затерявшаяся в пожелтевших газетных подшивках, нередко так же дорога, как повесть или роман.

Для того чтобы выполнить последнее на войне задание редакции, Полевой, например, взялся по совместительству исполнять нелегкие обязанности офицера связи. Только так — сделавшись на сутки офицером связи — можно было добиться разрешения лететь с первым связным самолетом в Прагу, которая восстала против гитлеровцев и с часу на час ожидала прибытия советских танковых армий, уже спешивших к ней на помощь через крутые перевалы Рудных гор. Надо сказать, что и привычные и непривычные свои обязанности Полевой выполнил одинаково добросовестно. Из забаррикадированного подвала, где еще находилась повстанческая рация, он передал необходимую информацию для штаба фронта, а через несколько часов очерк в «Правду», который поспел прямо в очередной номер газеты. Первым из советских журналистов Полевой сумел рассказать читателям о положении в чехословацкой столице и о приходе советских танков, как очевидец событий.

Эта добросовестность, это умение энер-

гично и всегда «в номер» подготовить корреспонденцию о важной военной операции, при любых условиях не подвести редакцию, не обмануть ожидания читателей вообще характерны для журналистской работы Полевого.

Как и другие военные корреспонденты, он исколесил на повидавшей виды «эмке» с блокнотом и военкоровским удостоверением в кармане гимнастерки тысячи километров; хотя, впрочем, «исколесил на «эмке» сказано не очень точно. На горячих партизанских конях он две ночи ехал по занятой немцами территории, к знаменитым смоленским партизанам (очерк «В стороне партизанской»), летал над руинами захваченного фашистами Ржева («Над мертвым Ржевом»), пробирался через сталинградские баррикады и закопченные развалины к дому-редуту, защитники которого вдвоем сдерживали натиск целого батальона («Редут Таракуля»), и не раз «пешкором» (был у военных корреспондентов такой специальный термин) совершал многокилометровые переходы — вперед с наступающей частью и обратно до военного телеграфа.

Впрочем, это были «нормальные» условия работы всех фронтовых корреспондентов. Зато лучшие очерки военного времени подкупали быстротой и оперативностью отклика, основательным знанием дела, богатством неповторимых деталей фронтового быта, которых нельзя ни «выудить» из штаб-

ных сводок и донесений, ни выдумать, ни угадать. Их сила — в достоверности. Все это писатель увидел и запомнил — и славный редут Таракуля, со всех сторон окруженный просторными воронками авиабомб, которые, заиндевев по краям, напоминали лунные кратеры, и молодого учителя в освобожденном от гитлеровцев орловском селе, которого бойцы называют «дедушкой», а он, неловко улыбаясь, бормочет: «Дедушка... Да, товарищи же родные, мне ж всего 29 лет... 29 — и во рту ни одного зуба...», и убитого советского парашютиста в синем комбинезоне, а рядом с ним мертвую девушку-чешку в национальном костюме, которых в день освобождения Праги чехи положили на Староместской площади подле баррикады, накрыв их своим национальным флагом, и, наконец, грозное небо над Сталинградом. Еще недавно, отражаясь в волжской воде, оно окрашивало воду в спокойные голубые тона, а в дни боев потемнело от копоти взрывов, от чада пожаров, и отражение его в Волге всегда имело, даже в самый ясный день, темный, зловещий оттенок. Картина битвы тут раскрывается не прямо, не в описании самой борьбы. Но одна верно схваченная подробность передает ее напряжение и размах. Другой пример — из очерка «Воздушное наступление». На авиационном наблюдательном пункте в момент жаркой воздушной схватки авиационный наблюдатель протягивает корреспонденту пару наушников, и вот к шуму воздушной битвы —

напряженному реву моторов, дробному треску пулеметов и пушек — присоединяются голоса людей из кабин дерущихся самолетов — короткие приказания командиров звеньев, ликующие крики летчиков, предупреждения немецких наземных наблюдателей, говорящих через сильные передатчики. «Я слышал, как кто-то пел в упоении боем, как кто-то охнул».

Такую деталь можно было бы назвать «счастливой». Благодаря ей в газетном очерке, а потом и в «Повести о настоящем человеке» картина воздушной схватки как бы ожила, обрела эмоциональную силу и особую выразительность. Но сколько таких «счастливых» подробностей открывалось взгляду очевидца и участника событий! В умении не просто видеть, но замечать, не равнодушно собирать, а отбирать факты и подробности, из которых складываются то портрет человека, то живая картина действительности, как раз и состоит сила Полевого-очеркиста, а не в одной только непосредственности впечатлений. В этой связи мне показался характерным очерк о сапере Николае Харитонове. В недавнем прошлом Харитонов возглавлял бригаду арматурщиков на Днепрострое. А до этого был тачечником, землекопом, бетонщиком. И вот именно ему, как опытному, искуснейшему рабочему, было поручено взрывать на пути отступления наших войск все, что создавалось с таким трудом. За годы войны Харитонов не расстрелял и двух обойм. Но вред, который

постоянно причиняли врагу его умелые, не знающие усталости руки, можно сравнить разве только с работой целой артиллерийской батареей. И все же главное в характере Харитонов — страсть к созиданию. Расчищая фугасами путь пехоте, взрывая и минирова, он тоскует по настоящему делу. И об этом за своего молчаливого хозяина красноречивее всего тоже говорят руки. Как бы напоминая о том, что они привыкли делать другую работу, руки Харитонova всегда мастерят на отдыхе что-нибудь полезное: то деревянную ложку, то мундштук, то крышку к коптилке, то какую-нибудь другую вещь, необходимую в окопной жизни. Душевный мир героя очерка ярко раскрывается через эту простую подробность. И, может быть, не одного только Харитонova. Полевой здесь подметил, во-первых, действительно выразительную, характерную деталь, а во-вторых, идя от частного к обобщению каких-то важных черт образа вчерашнего рабочего-строителя, коснулся близкой и дорогой для себя темы.

В очерках и статьях военных лет он часто и горячо писал о мужестве и самоотверженности советских воинов, о суровых буднях войны, о злодеяниях фашистских оккупантов. Но из многих тем, к которым обращался Полевой, хочется выделить именно эту, связанную с изображением рабочего человека на фронте. Она не была главной, и не ей посвящено большинство статей. Но с самых первых военных корреспонденций Полевого

в «Правде» видно, что рабочий человек и на войне оставался его героем, что к нему протягивается живая нить от довоенных и, добавим здесь же, послевоенных книг, потому что, когда «выговорились» на бумаге первые впечатления войны, писатель возвратился к теме труда, которую, по-видимому, считает для себя основной и генеральной.

Начиная путь военного журналиста на Калининском фронте, в местах, знакомых ему еще с детства, Полевой писал о калининских металлистах и текстильщиках. Только теперь он встречался с ними не в кузнице вагоностроительного завода, не в цехах текстильной фабрики «Пролетарка», а в окопах на Тверце и Волге. В заметке «Не забудем и не простим!» Полевой набросал портрет одного из таких защитников Калинина — коренастого металлиста с кавалерийским карабином на груди, который многими своими чертами напоминает бригадира Илью Лузгина и, возможно, в свое время даже послужил для него прообразом. «Это — герой производства, новатор, изобретатель. Методы и приемы его работы изучали инженеры. Весь город помнит его широкое и добродушное лицо по предвыборным плакатам. Он — член правительства...»

И в других своих корреспонденциях с фронта писатель всегда любит отличать рабочего человека, угадывать под суровой солдатской шинелью труженика. Конечно, бывшему рабкору «Тверской правды» были

близки, понятны чувства и безыменного калининского металлиста и арматурщика Николая Харитонов, вынужденных с молчаливым ожесточением разрушать все то, что они создавали собственными руками. Но при этом Полевой отмечает и другое — неистребимый дух творчества, который живет в рабочем человеке даже на фронте. В цехах Сталинградского тракторного, над которым со свистом проносятся немецкие снаряды, продолжают самоотверженно трудиться сталинградские рабочие — герои очерка «Бойцы цехов»; гвардии старший сержант Иван Бурба из корреспонденции «Опыт воина» предлагает командованию оригинальную конструкцию ночного прицела; бывший партизан-подрывник Алексей Капитанов в очерке «Друзья» с увлечением занимается будничным делом — восстановлением завода, директором которого он назначен. А какой знаменательной оказалась вторая встреча с Николаем Харитоновым, вскоре после окончания войны, в Латвии, на открытии Кегумской гидроэлектростанции. Помещая очерк о смелом сапере в книге «Мы — советские люди», Полевой начал его с описания этой встречи, которая произошла в час наивысшего торжества рабочего человека. Включая турбину на возрожденной из пепла станции, Харитонов словно «брал реванш за четыре года тягостной, разрушительной работы». И разве не характерно, что, приглядываясь к Харитонову, стараясь припомнить, где и когда они

встречались, писатель узнает не только лицо, но и руки этого человека — «широкие и сильные, с короткими и подвижными пальцами, уверенные и искусные рабочие руки...»

Как военный писатель, Борис Полевой приобрел опыт не сразу. В первый период войны он, как корреспондент, часто еще скован и свои наблюдения ограничивает беглым репортерским описанием фактов, простой информационной зарисовкой, не претендующей на широту обобщений. В таких записях еще нет той эмоциональности и выразительности, которые заставляли бы перечитывать их с волнением и болью, как письма, действительно адресованные лично тебе. Даже известный очерк о героической гибели восьмидесятилетнего великолукского колхозника Матвея Кузьмина (повторившего подвиг Ивана Сусанина), как он первоначально появился в газете, мало отличался от торопливой репортерской заметки. Правда, и написан он был Полевым прямо на военном телеграфе, сразу после возвращения с похорон Кузьмина.

Но это был необходимый для писателя период накопления жизненных наблюдений, душевного и фронтового опыта. Беспокойная профессия военного журналиста, сталкивая Полевого с интересными человеческими судьбами, подсказала ему темы и сюжеты будущих произведений, научила видеть в скромных, на первый взгляд, явлениях большое и важное, в подвиге летчика Алексея

Маресьева — повесть о настоящем человеке, отражение величия духа борющегося народа. Да и самый метод изображения человека в рассказах и повестях Полевого тесно связан с военным очерком. Когда в повести «Горячий цех» Полевой рисовал образ Женьки Сизова, он показал его со многими человеческими слабостями. Сизов падал и снова поднимался. Старое еще цепко держало его в своих руках. Другое дело герои военных произведений Полевого. Тут, как и в военных корреспонденциях, нередко действует принцип резких контрастов, полярных противопоставлений, не психологический анализ, а прямые публицистические обобщения. Нас обжигает сила патриотического чувства, упорная, почти фанатическая целеустремленность. И если успех первой повести молодого писателя во многом как раз был связан с изображением сложного, противоречивого характера, то повести и рассказы, посвященные событиям войны, оказались нужны и близки молодым читателям именно благодаря этой цельности, определенности заключенного в них положительного примера.

5

В сознании читателей, особенно молодых, образ Алексея Мересьева прочно занял свое место рядом с Павкой Корчагиным и молодогвардейцами. Это одна из тех книг, которую советские юноши и девушки читают на пороге большой, самостоятельной жизни,

задумываясь над вопросом: «Делать жизнь с кого?» Удивительная судьба Алексея Мересьева, его подвиги стали примером мужества, стойкости, отваги. Не случайно рассказ живого Маресьева слушали в Кремле комсомольцы-москвичи, уезжавшие по зову партии в районы Востока, на стройки шестой пятилетки. Ему послала привет и благодарность героиня французского сопротивления Мадлен Риффо, казнившая в самом центре Парижа, в дни фашистской оккупации гитлеровского полковника. Риффо приговорили к смерти. Патриоты спасли ее. Но пребывание в гестапо не прошло для нее бесследно. После войны Риффо тяжело болела. В эти дни один коммунист, деятель сопротивления, чтобы поддержать Мадлен, подарил ей книгу об Алексее Мересьеве. «Повесть о настоящем человеке» читал молодой греческий партизан. Она была при нем в бою, который стал для него последним. Соотечественник молодого героя, бывший партизанский комиссар, поэт Алексис Парнис написал об этом прекрасные романтические стихи, назвав их «Балладой о советской книге». А на другом конце земли, в Исландии, Халлдор Лакснесс, потрясенный, писал: «Мне никогда не приходилось раньше видеть книгу, окрашенную кровью и пробитую пулей. Это не могло произойти с обычной книгой, подумал я».

В самом деле, если вспомнить всех, кому книга Полевого помогла на жизненном пути, кого в трудную минуту поддержала и обод-

рила, то надо будет назвать и безногого комбайнера Белозерской МТС, Героя Социалистического Труда Прокофия Нектова, и «чехословацкого Мересьева» Ярослава Чермака, который, в свое время лишившись кистей обеих рук, научился отлично водить трактор, и безногого польского юношу-активиста Стаха Перунку, чью историю сами поляки считают «второй повестью о настоящем человеке», и даже известного французского боксера Илэра Пратези. После автомобильной катастрофы, навсегда, по мнению врачей, приковавшей его к больничной койке, он сказал корреспонденту молодежной газеты «Авангард»: «Вот увидите, я тоже добьюсь своего и, следуя примеру Мересьева, снова встану на ноги».

В корейской и вьетнамской армиях, боровшихся за свободу своей родины, были подразделения имени Олега Кошевого. Китайские народные добровольцы называли самых храбрых своих товарищей по оружию именами Маресьева, Матросова и других героев Отечественной войны. Судьба Мересьева внушила энергию и надежды греческой партизанке Катине Карандениду, индусской учительнице Сарла, московской школьнице-комсомолке Людмиле Липатовой, перенесшим тяжелые операции. В разных городах мира врачи им давали читать эту книгу как лекарство. С ней сверяла свои успехи Людмила Липатова, когда училась ходить без костылей и даже танцевать на протезах.

Я видел объявление в бразильской газете

«Импренса популяр», где из номера в номер печаталась «Повесть о настоящем человеке»: Дон Педро де Алмейда и его супруга Лидия Пино де Алмейда доводили до сведения читателей, что решили назвать своего новорожденного сына в честь летчика Мересьева — Алексеем. А вот другой любопытный документ — письмо вора-рецидивиста, отбывавшего наказание в исправительно-трудовых лагерях. Он прочитал повесть Полевого, готовясь к побегу из лагеря. Книга перевернула всю его судьбу. Он писал: «Ведь Алексей Мересьев остался без ног и снова стал летать. Так почему же я, имея ноги, руки, крепкое здоровье, не смогу другим, честным путем выйти на свободу?»

Но дело в конце концов не только в таком прямом вторжении книги в судьбы разных людей. Гораздо важнее общее, не поддающееся, быть может, столь уж точному учету влияние, которое она оказывала и оказывает на подрастающее поколение. Луи Арагон в предисловии к французскому изданию сборника советских рассказов даже сравнивал влияние трех советских книг — «Повести о настоящем человеке», «Как закалялась сталь» и «Педагогической поэмы» — с тем влиянием, которое в прошлые времена оказывали на молодые умы рыцарские романы. Эта широта отклика в читательской аудитории — одно из лучших подтверждений типичности созданного писателем образа. Бухгалтерский подсчет соотношения реальности и вымысла, к которому

так любят прибегать литературоведы, еще не объясняет нам, в чем жизненная сила того или иного образа. Аршином тут ничего не измеришь! Воспользовавшись нелетной погодой, Полевой очень подробно записал на фронте в землянке Маресьева его необыкновенную историю, настолько подробно, что, не встречаясь снова с героем, смог три года спустя, в долгие дни «нюрнбергского сидения», как их называли тогда журналисты, написать довольно объемистую книгу. Но ведь типичны не самые обстоятельства подвига Маресьева. Вернее было бы сказать, что они даже исключительны. Типично терпение, упрямство, мужество советского воина, цельного в своем железном упорстве. Впрочем, только ли это сделало для всех нас Мересьева лицом понятным, близким и характерным?

Арагон, например, подчеркивает моральное величие героев произведений Островского, Макаренко, Полевого. «Мне кажется почти невозможным, — пишет Арагон, — высказать какое-либо мнение о советской литературе, предварительно не прочитав этих книг». И дальше: «Если бы я захотел ввести любопытных в этот новый мир, о котором говорится столько вздора, то я впустил бы их туда именно через эту дверь».

Изображение морального величия советского человека действительно подкупает читателей повести Бориса Полевого сильнее всего. Следуя своему излюбленному приему, писатель с первых строк вводит нас в атмос-

феру напряженной борьбы, когда сразу же, в действии раскрывается облик героя. Где-то в районе Старой Руссы сбит самолет Алексея Мересьева, расстрелявшего весь боекомплект и фактически безоружного. Горящая машина падает в самом центре дремучего, заповедного бора. Счастливая случайность спасает летчика от неминуемой гибели. И вот восемнадцать суток, напрягая всю свою волю, ползет по зимнему лесу голодный, ослабевший человек с перебитыми, распухшими ногами, надеясь пробраться к линии фронта, к своим.

Что же дает ему энергию? Какая сила заставляет его даже в состоянии забытья медленно ползти на восток? Любовь к жизни? Да, конечно. Но только ли это? Когда Мересьев ковыляет по лесу на обмороженных ногах, потом по-звериному движется на четвереньках и, уже окончательно обессилев, перекачивается с боку на бок, разве его толкает вперед один только животный страх смерти, биологический инстинкт самосохранения? Если бы это было так, история Мересьева исчерпалась бы спасением героя, завершилась на том же месте, где заканчивается известный рассказ Джека Лондона о человеке и волке. Но в том-то и дело, что Мересьева ведет вперед не одна только любовь к жизни, но и высокоразвитое чувство патриотического долга. Он еще хочет сражаться, мстить врагу, побеждать, даже когда остается один, беспомощный, в глухом лесу. Да и лес открывается глазам Мересье-

ва, как арена отгремевшей здесь яростной битвы, следы которой не раз встречаются на его пути. Не величие и красота пейзажей заповедного бора привлекают внимание писателя. Эта сторона занимает в книге Полевого важное, но далеко не первостепенное место. Все в лесу напоминает Мересьеву об упорстве борьбы, разжигая ненависть к врагу, желание драться, пока есть силы: и зрелище зверски уничтоженного фашистами медсанбата, и едущий по лесной дороге под охраной автоматчиков гитлеровский офицер, и сожженная дотла лесная трудолюбивая деревенька.

Да, Мересьев всеми силами борется за жизнь, но жизнь ценит деятельную, активную, посвященную служению родине. Именно к этому он готовил себя, когда мальчишкой мысленно спасал с Ляпидевским челюскинцев, с Чкаловым прокладывал трассу через Северный полюс в Америку, когда юношей по комсомольской путевке отправился со своими сверстниками в тайгу строить город молодости Комсомольск.

Приключения в лесу оказываются для него лишь началом, ступенькой к следующему, еще более трудному экзамену — преодолению тяжелого физического увечья. Но и это новое испытание, потребовавшее от Мересьева огромного напряжения физических и духовных сил, не является последним. Ему еще надо рассеять столь естественное у многих людей недоверие — сможет ли безногий летчик водить боевую машину? В кон-

це концов, добившись для себя самого большого — возвращения в истребительную авиацию, — он долго и упорно тренирует свое тело, стремясь вновь «слиться» с самолетом, восстановить утерянные навыки пилотажа, доказать, что, летая без ног, он не хуже любого здорового летчика сумеет послужить родине.

Таким образом, история борения сильного духом человека с самим собой, со своим физическим недугом, с суровыми обстоятельствами жизни вся подчинена высокой патриотической цели. Написано множество книг, авторов которых больше всего привлекало изображение расстроенного разума больного человека, физического страдания как такового. Полевому важно показать, объяснить не только как, но и почему, во имя чего борется со своим недугом Мересьев, что помогает ему сохранить душевное здоровье. И дело здесь не в одном только упорстве Мересьева, его выдержке и выносливости, а именно в этой нравственной стороне подвига, в его внутренних побудительных причинах. Но благородное, патриотическое чувство и было как раз тем общим стимулом, который в дни вооруженной схватки с фашизмом вел самых разных людей на подвиги, помогая находить свое место в борьбе, а в час испытаний преодолевать самые жестокие физические и душевные страдания. Один из читателей книги Полевого, простой лионский рабочий, так и говорил французской журналистке Доминике Дезанти: «Я не

был ранен на войне, мне не приходилось заставлять свое тело забыть, что оно лишилось обеих ног. Но я был в концлагере и должен был принуждать себя к стойкости... Надо полагать, что когда люди ведут борьбу сами с собой, то в самом ее источнике у них есть нечто общее. Вот меня поддерживало сознание моего долга патриота, так же как Мересьева поддерживало сознание его долга».

После выхода в свет «Повести о настоящем человеке» автора критиковали в печати за то, что образ Мересьева дан несколько статично. Так ли это? Если иметь в виду самое главное, его советскую суть — горячую любовь к родине, ненависть к врагу, стремление верно служить народу, партии, то образ Мересьева при всех обстоятельствах действительно остается неизменным. Но под влиянием суровых испытаний войны, преодолеваемая боль, усталость, разочарование, Мересьев, конечно, приобретает и нечто новое. Он обогащается опытом, знанием жизни, накапливает воинское умение и мастерство. В бою над Черным лесом он ведет себя неосторожно, с веселым мальчишеским озорством и за беспечность чуть не расплачивается жизнью. Но в заключительных главах книги Мересьев уже изображен человеком, чуждым всякой показной рисовки и бесшабашной удали. Он сам действует осмотрительно и других призывает к осторожности, сердито упрекая случайного попутчика, еще новичка в военном деле, за бессмысленный риск.

Значит, дело не в статичности образа Мересьева. Мы видим характер живой и развивающийся. Ему недостает многоплановости. Но автор, вероятно, и не стремился к этому. Образ Мересьева взят в одном, определенном ракурсе, когда душевные силы летчика сосредоточились на том главном, что после ранения стало целью всей его жизни и что он сам образно определяет, как желание не остаться бескрылой птицей, которая может еще жить и клевать, но летать уже не способна. Даже в отношениях с любимой девушкой обрисовывается цельный, настойчивый в своем фанатическом упорстве человек, твердо решивший заговорить с Ольгой о своих чувствах только после возвращения в строй. Такой портрет можно назвать обобщенным. Черты образа даны без подробной детализации — крупно, резко, размашисто. Вне интересов и забот, которые прямо относятся к решению его будущей судьбы, Мересьев показан мало: один раз — в столкновении с майором Стручковым, когда Мересьев решительно пресекает пошлые и развязные шутки Струčkова, в другой раз — в отношениях с танкистом Гвоздевым и его невестой Аней, когда он проявляет себя чутким и преданным другом. Но даже не будь этих эпизодов, мы все равно легко можем представить, как поведет себя Мересьев в различных обстоятельствах, потому что самые резкие, самые главные его черты — характер настоящего советского человека — схвачены и переданы верно.

И все же в пределах задачи, поставленной себе писателем, душевный мир Мересьева дан, пожалуй, излишне сухо. Если в «Горячем цехе» Полевой был ненужно подробен в описании душевных движений своих героев, то здесь тороплив. Даже самые сложные переживания он характеризует одной-двумя беглыми фразами: «В сердце наikipала тоска», «Чувство дикой, необузданной радости поднялось в нем. Он замер, сверкая глазами» или еще: «У Мересьева сердце тоскливо сжалось при виде своих искусственных ног, сжалось, похолодело...» Зато в действии, в борьбе характер человека, как всегда у Полевого, раскрывается свежо и интересно. Об этом Полевой пишет, как свидетель и участник событий, который находится где-то рядом со своим героем, то упрекая его за поведение в бою над Черным лесом — «Вот тут-то Алексей и совершил промах», то ободряя во время скитаний по лесу — «Не лежать же на боку и ждать смерти!», то с журналистской придирчивостью принимаясь разбирать выгоды и невыгоды того обстоятельства, что Мересьев рухнул в самом центре заповедного бора.

Впрочем, и по многим другим приметам — по точности и меткости описаний быта полевых аэродромов, по горячности рассуждений о безумной храбрости летчиков, идущих в лобовую атаку, рассуждений, вдруг вклинивающих в описание воздушной схватки Мересьева с немецким асsem, — мы всегда безошибочно угадываем близость

автора к своим героям. Конечно, в прямом обращении к публицистике сказалась многолетняя журналистская привычка. Но не только это. В книге такие публицистические отступления играют примерно ту же роль, что и лирические монологи в иных произведениях прозы. По-своему, своими средствами писатель стремился тут полнее выразить отношение к жизни, к своим героям, свое восхищение перед стойкостью и мужеством советского человека. . .

К тому, что уже говорилось о судьбе книги Полевого, хочется добавить, что с самого начала она стала любимым чтением для детей и юношества. Живые, невыдуманные примеры отваги и героизма, ясность и простота изложения, наконец, стремительное и целеустремленное разворачивание сменяющих друг друга эпизодов, напомнившее одному зарубежному критику приемы хорошего киномонтажа, — все это обеспечило книге Полевого прочную симпатию в детской аудитории. Дети умеют высоко ценить такие качества произведений и охотнее всего прощают автору отсутствие сложных психологических подробностей.

6

Если интересы Алексея Мересьева сосредоточились на одном, главном деле, которое стало целью его жизни, и эта целеустремленность, вдохновленная высокими патриотическими побуждениями, сама по себе является

фактом, достойным восхищения, то другого героя повести, полкового комиссара Семена Воробьева, занимают и судьба Мересьева и судьбы многих других. Про Воробьева можно сказать, что у него столько интересов, сколько людей повстречалось на его пути. Как и Воропаев из «Счастья» П. Павленко, это в полном смысле слова «человек для людей». И не потому ли он сам шутливо признается, что в личных делах всегда «безобразно запаздывал»? Тут восхищение вызывает не фанатическая целеустремленность, а щедрая самоотдача, умение глубоко проникаться интересами окружающих.

По тому месту, которое отведено в книге Семену Воробьеву, — это образ эпизодический, но по значению, по влиянию, которое он имеет на всех, — это образ центральный. Не повстречайся Мересьев с Воробьевым, кто знает, как могла сложиться его судьба и стал бы он опять летчиком-истребителем? У Воробьева не меньше энергии, мужества и жизнелюбия, чем у Мересьева. Вспомним, какое впечатление производит контраст между силой духа, неиссякаемым оптимизмом этого большого могучего человека и немощью его организма, подточенного смертельной болезнью. В госпитале умирающий полковой комиссар становится для раненых солдат и офицеров образцом стойкости. И все же не эту черту хочется отметить как главную, а его драгоценный дар привлекать к себе людей, воспитывать, ободрять, неустанно вести вперед.

Тяжелая контузия приковала Воробьева к больничной койке, вырвала из круга привычных дел. Но и здесь, в тесном мирке сорок второй палаты, Воробьев продолжает жить жизнью всего большого советского мира, жить «жадно и полнокровно, забывая или заставляя себя забывать о мучивших его недугах». В этом ярко проявляется замечательный, деятельный, страстный характер, виден коммунист-организатор, связанный с жизнью множеством нитей.

Не случайно такое сильное, непосредственное влияние комиссар оказывает на товарищей по госпитальной палате. Его умение безошибочно отгадывать сокровенные мысли и чувства, глубокое знание души этих столь разнохарактерных людей кажутся старому солдату Степану Ивановичу чуть ли не колдовством. Почти со страхом он называет комиссара «отгадывателем чужих думок». Впрочем, великое колдовство комиссара заключается не только в отгадывании чужих думок. Какая польза людям от холодных и бесстрастных физиономистов? Комиссар практически умеет помочь каждому: профессора Василия Васильевича ободрить в минуту страшного горя — известия о гибели сына, солдату Степану Ивановичу подсказать правильное решение волнующих его вопросов, сварливому и раздражительному лейтенанту Кукушкину вернуть душевное спокойствие и даже танкиста Гвоздева познакомить с будущей невестой. Особенно долго не поддается комиссару

Мересьев. Но Воробьев нашел для летчика особый «ключик» и сумел-таки его «отомкнуть». Как мы помним, в душе Мересьева вызвала целую бурю заметка из старого журнала о русском военном летчике поручике Карповиче, где-то добытая комиссаром. Лишившись ступни, Карпович снова вернулся в авиацию. Правда, летать на старом тихоходном «Фармане» было куда легче, чем на современном скоростном истребителе. Кроме того, у Карповича не было только ступни, а у Мересьева — обеих ног. Но ведь Мересьев — советский человек. Воробьев внушает ему, что энергии, отваги, настойчивости у него куда больше, чем у Карповича. И эти слова запоминаются Мересьеву на всю жизнь. Благодаря комиссару он лучше понял самого себя, снова обрел ясную цель.

Встреча с комиссаром имела для Мересьева такое же решающее значение, какое для самого Воробьева имела в молодости встреча с его первым учителем, героем гражданской войны, комиссаром Володиным. Возглавляя отряд красноармейцев в трудном походе через безводную Туркестанскую степь, Володин ни одного человека не бросил в песках. Продолжая сравнение, можно было бы сказать, что и Воробьев ни одного из своих раненых друзей не оставил в беде, всем помог возвратиться к боевым делам. Но именно это «колдовское» ободряющее влияние и составляет неотъемлемую черту Воробьева, как старого коммуниста и ста-

рого большевистского агитатора, который считает дело воспитания людей своим прямым партийным долгом, своим призванием. И опять-таки меньше всего он похож на «великого утешителя», на лукавого «врачевателя ран», потому что всегда исходит из реальной оценки человека, открывая в окружающих то, что, быть может, еще скрыто от них самих. Воробьев из той же породы, что и организаторы большевистского подполья Краснодона Лютиков и Проценко в «Молодой гвардии» Фадеева, что и Воропаев в «Счастье» Павленко или, наконец, искусный большевистский пропагандист Федор Клычков из «Чапаева» Фурманова. Вот почему, где бы ни был Воробьев — на фронте, среди своих лихих конников, или в больничной палате, вместе с четырьмя воинами, прикованными к постели, он оказывается центральным лицом, на него, вольно или невольно, равняются остальные, он их сплавливает и объединяет.

И хотя судьба Воробьева драматична потому, что, возвращая людей к жизни, к борьбе, он сам безнадежно обречен, и еще потому, что на пороге смерти встретил женщину, которая горячо его полюбила, но такова сила духа этого человека, что даже картина его борьбы с недугом становится примером для других. На фронте боец Начинкин в рассказе «Редут Таракуля» говорил перед решающей схваткой с врагом: «Человек не должен умереть, пока не сделал все... Все, что мог...» Воробьев больше не

вернется на фронт. Но, как и боец Начинкин, он не может умереть, не собрав последних сил, не попытавшись все сделать, все полезное для тех, кто вернется на фронт, будет жить, воевать, преодолевать трудности. Невольно при чтении этих страниц вспоминаются исполненные мужества слова Фурманова: «Если быть концу... помирай агитационно! Так умри, чтобы и от смерти твоей была польза... Это ведь твоя последняя мобилизация!»

В образе комиссара воплощен любимый идеал Полевого, дорогой ему образ настоящего советского человека. Уже в одном из ранних его рассказов, «Директор», как отметила Н. Желтова в статье, посвященной истории создания «Повести о настоящем человеке» («Вопросы советской литературы», сб. 4), мы встречаем не только прообраз комиссара Воробьева, но и схожую с «Повестью» ситуацию. В госпитальную палату помещают нового больного, с появлением которого меняется настроение прикованных к койкам людей, да и весь уклад их жизни. В какой-то мере черты образа комиссара (но только без драматической окраски) угадывались и в парторге «горячего цеха» Николае Федорове — общительном, веселом, шумном, жизнелюбивом и проникательном человеке, к которому рабочие часто обращаются за помощью и советом. Но как еще там были бедны изобразительные средства писателя. На долю Федорова их отпущено не многим более, чем

в обычной газетной корреспонденции. Черты характера названы, указаны, но не показаны. Чаще всего нам приходится принимать их, что называется, на веру, тогда как комиссар это уже полнокровный художественный образ. Больше, чем кто-либо другой, Воробьев помогает формированию характера Мересьева. Но только ли к комиссару и Мересьеву относится определение — настоящие советские люди? Старый колхозный активист дед Михайла, который выходил Мересьева в своей лесной землянке, разве не является носителем многих прекрасных качеств советского народа? А строгий начальник военного госпиталя Василий Васильевич, или инструктор школы тренировочного обучения Наумов, или даже безыменная девушка-боец с шутливым прозвищем «Метеорологический сержант», которая прикрыла собой раненого Мересьева во время воздушного налета, — ведь все они не только поддерживали Мересьева в его нелегкой борьбе, но и помогли ему стать тем, кем он стал, — настоящим человеком. Да и самый подвиг Мересьева, вероятно, был бы немыслим вне этой общей атмосферы героических деяний советского народа. И хотя поведение Мересьева, его стойкость и мужество стали возвышающим примером для многих читателей книги, но человек, совершивший свой исключительный подвиг, сам учился мужеству у летчиков, врачей, крестьян пещерной деревеньки, у многих и многих скромных советских людей, в тылу

и на фронте. И это лучшее доказательство прочности нашего общественного строя, непобедимости его идеалов.

7

Мартин Андерсен-Нексе, характеризуя творческую манеру Бориса Полевого, отмечал, что Полевой всегда стремится как можно точнее передать материал действительной жизни. «Но для этого, — добавлял Нексе, — нужно много больше фантазии, чем для того, чтобы изобразить какое-нибудь привидение, которое бродит, держа под мышкой собственную голову». И дальше Нексе подчеркивал, что Полевой полон реалистической фантазии, самой редкой из всех. Это значит, что и самый вымысел в произведениях Полевого, по удачному выражению К. Симона, всегда воспринимается как естественное продолжение фактов. Вспомним «Повесть о настоящем человеке». Образ Мересьева в основе своей строго документален. Комиссар Воробьев является художественным вымыслом. В одном случае писатель присоединил к чертам биографии реального героя новые черты, глубже, полнее раскрывающие природу советского героизма. В другом — создал образ «из головы», не имея в виду какого-то определенного человека. Но кто из читателей усомнится в реальности фигуры комиссара Воробьева, кто сможет отделить в облике Мересьева

реальность от вымысла? Этот сплав органичен. И в том и в другом случае вымысел рождался на основе жизненных наблюдений. Правда, в образе Воробьева больше художественного домысла, чем в образе Мересьева, но он, как и Мересьев, взят прямо из жизни и в какой-то мере тоже, конечно, строго документален. Кажется, что таких людей и нам посчастливилось встречать, что в жизни и мы им многим были обязаны.

Следующая за «Повестью о настоящем человеке» книга Полевого «Мы — советские люди» тоже полна «реалистической фантазии». В ней есть рассказы и очерки, первоначально опубликованные на страницах «Правды», вошедшие в сборник военных очерков «Сталинград» и в военные дневники Полевого «От Белгорода до Карпат». Но писатель, естественно, не мог ограничиться простым механическим переносом своих фронтовых корреспонденций в новую книгу. Ведь «Мемуары вшивого человека» потому и не стали художественным воспроизведением жизни, что подготавливались без тщательного отбора материала и начисто были лишены всяких элементов домысла, догадки — того, что мы именуем художественным обобщением. А в книге рассказов Полевой стремился нарисовать обобщенный образ «солдата земли советской». Это обязывало и всю книгу строить уже совсем по-иному, чем, скажем, строго документальные военные дневники. Правда, Полевой и здесь нигде или почти нигде не нарушает докумен-

тальной основы своих рассказов. Очень часто он начинает их с упоминания, когда и от кого слышал ту или иную историю, где, при каких обстоятельствах встречался со своими героями. И для него это не просто художественный прием, с помощью которого иной писатель старается придать видимость правдоподобия самым невероятным событиям. Из «Повести о настоящем человеке» мы уже знаем, что у Полевого даже невероятное, необычное всегда оказывается реальным, начиная с острого и напряженного сюжета, который тоже не выдуман автором, а взят прямо из жизни, из драматических событий фронтовых лет.

Но в чем же в таком случае состояла роль художественного домысла? В чем проявилась организующая воля писателя? Прежде всего в отборе материала живой действительности. Уже говорилось, что, описывая скитания Мересьева по лесу, Полевой выделял и подчеркивал все, что Мересьеву напоминало о героизме советских людей в той жестокой битве, по следам которой он двигался. Это многое объясняет в поведении самого Мересьева. И Полевой тут мог сознательно усиливать одни эпизоды и опускать другие, не имеющие прямого отношения к главной задаче. В обращении к юным читателям книги «Мы — советские люди» он специально подчеркивал, что собрал рассказы о тех, чьи судьбы показались ему наиболее интересными. К этому можно добавить: и чьи судьбы отвечали общему авторскому

замыслу. Как бы дополняя друг друга, они действительно помогают создать обобщенный образ защитника родины.

Рассказы и очерки «Сапер Николай Харитонов», «Последний день Матвея Кузьмина», «Знамя полка» и другие в первоначальной редакции чаще всего напоминали моментальные зарисовки с натуры. Если же сравнить газетные варианты с книжными, то окажется, что Полевой, как и в «Повести о настоящем человеке», добавлял такие подробности и усиливал такие краски, которые делали заметней и ощутимей самые истоки подвига советского человека.

Правда, и теперь образам, созданным Полевым, часто еще не хватало психологических деталей, которые помогли бы им стать глубже, объемней. Дружеский упрек Горького: «...рассказываете, как очевидец, но не изображаете, как художник», адресованный Д. Фурманову, иной раз вспоминается и при чтении сборника «Мы — советские люди». Однако по-газетному деловое, часто торопливое изложение фактов тут уже уступает место образному раскрытию. Полевой, например, не ограничивается кратким, в несколько строк, рассказом о том, как Харитонов извлекал из-под гусеницы тяжелого танка неразорвавшуюся и вмерзшую в снег мину. Он показывает, чего стоили Харитонову эти часы лежания ничком на земле, когда приходилось тихонько выскребать ногтями снег и, почти прикасаясь к мине, теплом своего дыхания размягчать его.

Полевой не ограничивается только описанием подвига Матвея Кузьмина, который, ведя врага под пулеметы советских солдат, сам шел на смерть. Он изображает и его моральный поединок с гитлеровским офицером, убежденным, что с помощью денег можно подобрать ключ к «загадочной» русской душе. Роль художественного домысла в такой редакции, естественно, возросла, зато и конфликт усложнился, затронув также сферу духовную.

В самой манере рассказчика нет или почти нет ничего быющего на внешний эффект. При внутренней напряженности действия, необычности подвига внешне все буднично просто. И в облике людей, которые ведут себя с исключительным мужеством, многое говорит о скромности, на первый взгляд даже неприметности, обыкновенности самых необыкновенных людей. Если в начале рассказа какая-то черта и бросается в глаза, то далеко не всегда та, которая потом оказывается главной, определяющей. Вот, например, рассказ «Передовая на Эйзенштрассе». Он начинается с обычной фронтовой сценки. На попутной машине возвращаются в свою часть сержант и ефрейтор. Дорога длинная. Шофер словоохотлив. Завязывается разговор о доме, о женах, о фронтовых новостях. Есть ли что-то особенное в поведении сержанта Трифона Лукьяновича? Пожалуй, угрюмость и молчаливость, да еще тот недобрый огонек, который каждый раз зажигается в глазах Лукьяновича при встрече

с пленными немцами. Его товарищ исподтишка объясняет причину этой нелюбимости: все близкие Лукьяновича погибли в самом начале войны: жена и дети — от фашистской бомбы, родители и младшая сестра — от рук гестаповских палачей. Но в горящем Берлине именно Лукьянович, у которого есть все основания люто ненавидеть врага, спасает, рискуя собственной жизнью, маленькую немецкую девочку. Человек, таким образом, не только раскрывается для нас по-новому, но и необыкновенно вырастает в глазах читателей. В его поступках, поведении мы узнаем типичские для настоящего советского человека черты. И при этом характер Лукьяновича сохраняет свою, вполне отчетливую индивидуальность. Тут, мне думается, Полевой, как рассказчик, добивается бесспорного успеха. Различны подвиги, которые совершают на фронте люди, различны и сами люди, хотя есть между ними и нечто общее, неизменное. Это, так же как и у Мересьева, их советская суть. Но каждый из них живет, борется и воюет по-своему. Угрюмая душа неожиданно оказывается и ласковой и отзывчивой, с веселостью соседствует сосредоточенность, с балагурством — серьезность и глубина. Одним словом, на малой площади рассказа Полевой умеет дать и типическое и характерное. Нам запоминается не только подвиг рудокопа Олексы Кущевого, но и сам этот человек — такой находчивый и осторожный, запоминается угрюмый Трифон Лукьянович,

веселый Малик Габдуллин и многие другие герои рассказов Полевого.

Скромной, «неброской» манере повествования соответствует и язык рассказов, сохраняющий тесную связь с интонациями живой разговорной речи, то задиристой, с солдатской «лукавинкой», то драматически-напряженной. Это похоже на горячую, взволнованную запись того, как было дело, сильную своей человечностью и непосредственностью. Недаром писатель часто прямо передоверяет повествование самим участникам событий — офицерам и солдатам, партизанам и подпольщикам. При этом Полевой всегда располагает материал своих рассказов так, что нас с первых же строк захватывает стремительное и напряженное действие. Вот характерный пример из рассказа «Горсть земли»:

«Голос командира полка, обычно такой твердый и раскатистый, звучал из телефона возбужденно и незнакомо:

— Доложите обстановку! Скорее! Ну!»

И, выслушав неутешительный доклад лейтенанта Моисеенко, командир приказывает держаться до вечера, до темноты... Разговор обрывается на полуслове. Близко разорвавшаяся мина повреждает нитку провода — последнее, что связывало горстку защитников высоты с отошедшим накануне полком. Теперь, перед лицом врага лейтенант остается самым главным. От его стойкости и решимости зависит судьба не только

защитников высоты, но и всего полка, изнемогающего в неравной борьбе.

«Моисеенко покосился на бойцов, издали прислушивавшихся к разговору, и вдруг, вытянувшись, отрапортовал в онемевшую трубку:

— Товарищ командир полка, боевой приказ принят. Пока хоть один из нас жив, заяц и тот по этим дорогам к фронту не проскочит.

Он бережно положил на ящик теперь уже бесполезную трубку и испытующе посмотрел на бойцов... Лейтенанту вдруг стало стыдно за свою хитрость. Это были воины, и с ними надо было говорить напрямик.

— Связь с полком прекратилась. Но приказ принял, — сказал лейтенант, стараясь не выдать голосом тревогу, вдруг против воли охватившую его...»

В стремительно и напряженно начатом рассказе особенно хочется подчеркнуть прямоту, открытость в отношениях между девятнадцатью защитниками высоты, уцелевшими от всего взвода после жестокого боя. Даже в самые критические моменты борьбы тут не могут быть допустимы хитрость и фальшь. Это смелые, настоящие советские люди, и с ними надо говорить честно, как говорил с Мересьевым комиссар Воробьев, когда, не скрывая и не утаивая от него горькой правды, предупреждал: «Ты же советский человек». И это означало: советский, следовательно, стойкий, самоотверженный, беззаветно преданный партии;

советский, следовательно, настоящий, готовый преодолеть любые препятствия. Такова краткая формула, объясняющая истоки подвигов и Мересьева, и лейтенанта Моисеенко, и девятнадцати его товарищей, да и всех других персонажей повестей, рассказов и очерков Полевого.

В сборнике рассказов эта формула вынесена прямо в заголовок «Мы — советские люди». А понятия «советский» и «героический» здесь всегда стоят рядом, сливаются воедино, как выражение типических, естественных для социалистического строя качеств характера, присущих миллионам рядовых советских людей. Именно так поняли, так расшифровали это заглавие прогрессивные зарубежные критики. Рецензент газеты «Юманите», сравнивая его с заглавиями американских или американизированных книг «Я приду плюнуть на ваши могилы», «Головой о стену», «Пляши, мертвец», «Все они продаются» и т. д., подчеркивал, что у Полевого не просто другой стиль заголовков. Названию книги соответствуют душевная красота и благородство самих ее героев. И эту новую действительность, добавляет критик, представителем которой является советский человек, не в состоянии опровергнуть никакие аргументы, никакая интеллектуальная акробатика, никакие «пируэты».

Рассказы Полевого отделены почти двухлетним периодом от «Повести о настоящем человеке», но по своему замыслу, содержа-

нию и общей идейной направленности они непосредственно к ней примыкают. Подлинными героями, настоящими советскими патриотами тут тоже оказываются не избранные одиночки, а целый большой коллектив: веселая киевская девушка-студентка, которая становится отважной разведчицей, калининский рабочий-текстильщик, возглавивший интернациональный партизанский отряд, молодой казахский ученый, до войны человек глубоко штатский, а на фронте удостоенный звания Героя Советского Союза, или тот же лейтенант Моисеенко, который попал на войну с третьего курса университета, но в бою действует, как опытный и умелый воин. Даже в плену, на чужой земле, когда тысячи километров отделяют советских солдат от своей армии, они не признают себя побежденными, не складывают оружия, сами не перестают воевать и окружающих поднимают на борьбу, хотя могли бы считать, что война для них уже закончилась.

Ведь так поступают, например, солдаты в романе французского писателя Робера Мерля «Воскресный отдых на Южном берегу». Оставшись в немецком тылу, они приходят к мысли о бесцельности дальнейшей борьбы и даже самого человеческого существования, прекращают всякое сопротивление гитлеровцам.

Другое дело, герои одного из лучших рассказов Полевого «Пан Тюхин и пан Телеев». Жители польского города Кросно, где

происходят события рассказа, недаром сравнивают деятельность советского военнопленного Федора Пантелеева с веществами-катализаторами, которые во много раз усиливают химические реакции. А в облике другого главаря повстанцев, штурмана сбитого советского бомбардировщика Андрея Пантюхина, нам нетрудно узнать черты, сближающие Пантюхина с комиссаром Воробьевым. Та же кипучая энергия, та же неиссякаемая душевная сила: «...сам-то... лежит под скалой в норе, в лубках, двинуться не может, беспомощный, но башка работает и воля неукротимая. От него вся эта машина тайная вертится, как от мотора...»

В рассказах Полевого всегда увлекает изображение этих чудесных свойств нашего современника, нового, рожденного революционной эпохой человека. Но если, скажем, в военных рассказах Вадима Кожевникова облик героя раскрывается в лаконичном, внешне чуть даже суховатом, но всегда лирически окрашенном повествовании, если в ленинградских рассказах Николая Тихонова этой цели служит строгая, сдержанная и в то же время эмоционально-напряженная проза поэта, то своя особенная манера Полевого, как мы уже говорили, тесно связана с живыми интонациями устной речи, с прямой публицистичностью, с точным и веским языком фактов, наблюдений. Когда, рисуя картину польской осени, он между прочим пишет, что курлыканье тянувшихся на

юг журавлей напоминает скрип длинной, пароконной польской фуры, то это сравнение точно, потому что не раз, вероятно, проверялось на слух; и сравнение берлинской улицы, через которую проходит передовая, с каменоломней, где добыча ведется открытым способом, тоже точно, потому что оно многократно проверялось, не только на глаз, но, так сказать, практически, когда приходилось пробираться от руины к руине.

Однако эту же точность, конкретность, осязаемость нельзя уловить ни в бесцветных и по-газетному торопливых описаниях, — а у Полевого порой попадаются целые страницы неряшливой прозы, — ни в напыщенных риторических сравнениях раненого человека с подстреленными джейранами или мечущихся по земле минных разрывов с бешеным табуном и т. д. А такие сравнения, где неточными оказываются зрение и слух, где портрет человека не то чтобы приукрашен, а как-то уж очень красиво раскрашен, такие сравнения тоже, к сожалению, не редкость в рассказах Полевого. Он, например, пишет: «Черные брови Клавы тревожно сдвинулись на белом лбу, как будто птица взмахнула крыльями в облаках». Нужно ли доказывать, что простота здесь приносится в жертву ложно понятой художественности и что военная проза менее всего нуждается в подобных бумажных цветах? Прекрасное и героическое понятней и ближе читателю, когда выступает в простой и скромной одежде. Именно этим сильны и лучшие рас-

сказы из сборника «Мы — советские люди» и «Повесть о настоящем человеке», в самом стиле которой чувствуется ясность, определенность и прямота боевых донесений.

8

В 1948 году в журнале «Огонек» был напечатан небольшой рассказ Полевого «Пятьдесят центов». Тема его, говоря в двух словах, — растлевающая власть денег в капиталистическом обществе. Блеск золота превращает солдата Джорджа Уайта, поначалу даже как будто неплохого парня, в мародера и убийцу. Охваченный жаждой наживы, он совершенно теряет человеческий облик.

Но тогда же, работая над рассказами для сборника «Мы — советские люди», Полевой показывает и другой тип — людей нового мира, подчеркивая в образах старого Матвея Кузьмина, девушек-полонянок из рассказа «Свои», что в нашем советском обществе золото утратило свою губительную силу. Эта же мысль широко развернута в романе «Золото». Как средство личной наживы и личного обогащения золото не представляет интереса для героев романа. В самом деле, кого из них может увлечь мечта солдата Джорджа Уайта сделаться хозяином шикарного кафе под большой вывеской? Им никогда не приходилось ощущать на себе «рокового» влияния золота, о котором не раз

со страхом писали историки и поэты минувших веков. Комсомолке Мусе Волковой такие рассуждения вообще кажутся «устарелой и даже странной легендой, как сказка о «голубой царской крови». Но в то же время забота о социалистической собственности священна для советских людей; и, сберегая ее, защищая от врага, они готовы на подвиги и самопожертвование.

Тема романа и даже некоторые его перипетии не были выдуманы писателем. Как и многие произведения Бориса Полевого, этот роман вырос из дневниковых записей. В своей автобиографии писатель рассказывает, что на фронте завел себе толстую тетрадь, куда заносил все выдающиеся факты героизма, о которых слышал от других и которые видел сам. Подобно истории Маресьева, Горелкина, Харитонова, Малика Габдуллина, история людей, спасающих мешок с золотом, оказалась чрезвычайно созвучной творческим устремлениям Полевого, особенностям его дарования. В основе ее были факты, и раньше привлекавшие внимание писателя. Да и героями спасения больших государственных ценностей стали простые, скромные труженики, те, кого Полевой всегда описывает с особым увлечением, представители самых что ни на есть «прозаических» профессий — банковская машинистка, старик кассир, вероятно и мысли не допускавшие, что их поступок может быть назван подвигом.

Больше того, Митрофан Ильич Корецкий

даже считает, что «в общем балансе военных усилий» он, как человек старый и больной, «величина отрицательная, минусовая», которую в пассив записать надо. Главное, что замечали в нем сотрудники банка, — это необыкновенный педантизм и комичная старомодность. А какие особенные «приметы» были до войны у Муси Волковой? Задиристость, острый язычок. Среди сослуживцев у нее даже прозвище было такое: «Репей». Бывший начальник Муси, услышав о героическом подвиге девушки, только руками разводит: «Ничего особенного... Хорошая машинистка, обыкновенная, ничем не примечательная девушка». Но в трудных испытаниях военного времени по-настоящему раскрылись высокие душевные качества этих людей. С тяжелым мешком за спиной Муся прошла шестьсот километров по выжженной оккупантами земле, ускользая от преследований врага, вечно находясь настороже, терпя голод и холод. А на последнем, самом тяжком отрезке пути она проявляет даже больше энергии и бодрости, чем ее спутники мужчины, фактически становится вожаком своего маленького отряда.

Всем содержанием романа Полевой утверждает: вот оно, главное богатство Советской державы — золотые советские люди! Не только те трое, что доставили, в конечном счете, командованию советских войск необычный груз, но и те, что на разных этапах были участниками необычной эстафеты, становились вольными и невольными помощни-

ками Муси Волковой. А таких помощников у нее было не мало! Ведь на всей оккупированной территории, где Муся проходила со своим мешком, сохранялись советские порядки. Тема, которую Полевой затрагивал в «Повести о настоящем человеке», рассказывая о жителях лесной деревеньки Плавни, приютивших у себя Мересьева, еще шире развернута в «Золоте». Люди помогали скромной банковской машинистке всем, чем могли, хотя сами жили «под топором».

Вообще поначалу «Золото» кое в чем напоминает «Повесть о настоящем человеке». Я имею в виду скитания по лесу Муси и Корецкого. Как и Мересьев, они пробираются на восток, ориентируясь по грохоту артиллерийской канонады, как и Мересьев, наталкиваются в лесу на следы яростной битвы. Но конфликт здесь уже иной. В «Повести» мы видели драматическую картину борения сильного духом человека с самим собой, со своим физическим недугом. В первых главах «Золота» конфликт обусловлен столкновением разных по своему характеру, возрасту, воспитанию людей, которые и к самому золоту относятся по-разному. Муся еще с детства усвоила ту чудесную истину, что не золото и драгоценности делают советского человека богатым и счастливым, — вот почему, когда в ее руках очутились огромные богатства, Муся не сразу поняла, какую ответственность приняла на себя вместе с этим мешком. Другие вещи имеют в ее глазах большую ценность. Муся готова плакать

из-за того, что ее пишущую машинку, «лучшую машинку в учреждении», взяли немцы. Золото же, благополучно вынесенное из оккупированного города, девушка равнодушно предлагает зарыть в укромном месте и налегке пробираться к своим. Мог ли такой конфликт стать серьезным и длительным? Слишком очевидно превосходство позиции Митрофана Ильича Корецкого, который резко осуждает легкомысленные предложения Муси. И хотя на первых порах спутник кажется ей скупым чудаком, одержимым нелепыми фантазиями, очень скоро Муся начинает понимать, что Корецкий является человеком высокого общественного долга.

Однако план спасения золота, предложенный Корецким, имеет свой «пунктик», свою «слабинку», и притом весьма серьезную. Он чуть не ставит под удар всю экспедицию. Старый кассир правильно считает, что в столь важном деле, как охрана государственных ценностей, не должно быть «ни одного процента риска». Но он с чрезмерной настороженностью относится к людям, чурается их и предпочитает пробираться к линии фронта по лесам и болотам, старательно обходя всякое жилье. Полевой объясняет причины такой настороженности. Корецкий во многом остается человеком старого закала. Он воспитан еще в дореволюционном обществе, где, по словам одного из героев романа, «только тот и жил, кто зубы умел скалить». Вот почему Корецкий

никак не может свыкнуться с мыслью, что защита социалистической собственности стала священным долгом советского народа. Так или иначе, а блуждания Корецкого по болоту, где они с Мусей чуть не погибли, да и самая смерть Корецкого — все это, в сущности говоря, неизбежное следствие его недоверия к людям, боязни опереться на людей. Напротив, Муся с детских лет постигла силу человеческой взаимопомощи, человеческого коллектива. Одиноким путь Корецкого для нее неприемлем. Мусю характеризует прочное доверие к окружающим. И это чувство ни разу ее не подводит. Конфликт с Корецким исчерпывается уже в первой части романа. Да он бы и не мог искусственно растягиваться, не нарушая логику самим же писателем созданных характеров. А кроме того, эта пружина все-таки слишком слаба, чтобы дать внутреннее движение целому роману.

После смерти Корецкого Муся снова вступает в общение с внешним миром, с множеством разнообразных людей, от которых старательно отгораживался Митрофан Ильич. Но одновременно как бы сужается, закрывается душевный мир героини. Происходит процесс, обратный тому, который совершался в «Повести о настоящем человеке». Там, в госпитале, в санатории, на летном поле, в общении со многими людьми открывались новые грани характера Мересьева. И всякий раз нам было ясно, что на каждом новом этапе борьбы Мересьеву при-

хóдилось напрягать не только физические, но и нравственные силы. В «Золоте» все внутренние конфликты, споры, раздумья, душевная борьба исчерпываются или почти исчерпываются уже в самом начале. Правда, во второй половине книги к рассказу о дальнейших приключениях Муси Волковой присоединяется рассказ о ее любви к партизану Николаю Железнову. Но чувство это, его влияние на поступки людей описано неглубоко, с большой долей слащавой сентиментальности. И хотя романическая история занимает в книге не так мало места, хотя на долю Муси выпадает еще множество драматических испытаний, все они, повторяем, почти не обогащают образ новыми красками. Это, думается, во многом объясняет нам, почему «Золото» не получило столь широкого общественного признания, как «Повесть о настоящем человеке». Характер Муси уже весь раскрылся в первой части — в спорах с Корецким, на первой сотне километров пути и, пожалуй, новую силу обретает только в заключительных главах.

В середине книги Мусю поочередно и надолго заслоняют другие события и другие люди — то знатная доярка Матрена Никитична Рубцова, то партизан Николай Железнов, то бывший секретарь парткома железнодорожного депо, командир партизан Рудаков. Как центральной фигуре романа, — не рассказа и не повести, а большого романа в четырех частях, — Мусе не хватает таких красок, таких человеческих черт, которые,

глубже раскрывая душевный мир, нравственную красоту этой замечательной девушки, выдвигали бы Мусю, «Муськуежику», как она себя называет, на центральное место не только в силу внешних обстоятельств, но и по внутренней значительности. Без этого ей трудно соединить судьбы всех героев романа в один драматический узел. А таких драматических узлов в романе Полевого можно насчитать еще два по крайней мере.

В самом деле, верный своему постоянному принципу показывать исключительные примеры героизма на фоне аналогичных, только менее ярких явлений, Полевой и в «Золоте» параллельно с историей спасения драгоценностей развертывает рассказ о том, как советские люди скрывали от врага знаменитое стадо племенного скота, прятали колхозный инвентарь. И это, естественно, раздвигает рамки повествования. Но история лесного колхозного лагеря Игната Рубцова и другая история — партизанского лагеря Рудакова с сильно написанной заключительной сценой похода партизан через подожженные фашистскими карателями бескрайние торфяные болота — оказались вполне автономными. Каждый из этих эпизодов имеет своих героев, свой собственный, замкнутый мир. Правда, в партизанском отряде Рудакова Муся встречает старых знакомцев — ремесленника Толю Златоустова, однажды спасенного ею от смерти, и помощника машиниста Мирка Черного, того са-

мого, что сдавал в отделение госбанка мешок золота. Однако эта внешне эффектная встреча кажется несколько нарочитой, искусственной. Тут больше авторского произвола, чем внутренней художественной необходимости. Полного, органического слияния трех сюжетных потоков в книге Полевого так и не получилось.

С другой стороны, стиль и язык романа свидетельствуют о возросшем мастерстве писателя. Это отчетливо ощущается в изображении отношений Корецкого и Муси, включающих в себя множество противоречивых оттенков и в то же время проникнутых чувством растущего взаимного уважения, ощущается и в передаче биографий людей, порой отягощенных множеством подробностей, но всегда живых и увлекательных, ощущается, наконец, и в описаниях картин природы, которые особенно понравились Э. Войнич. Милые сердцу пейзажи родины Полевой рисует то с гордостью, то с щемящей, берущей за душу грустью, хорошо знакомой советским людям в дни отхода наших войск. Но самое главное, Полевому удалось показать в своем романе многообразие оттенков героического на занятой врагом территории. Гигантские лесные чащи не пустыни. Они стали для многих советских патриотов настоящей неприступной крепостью, где свято и бережно сохранялись советские порядки. Здесь колхозники укрывали общественное добро. Здесь партизаны всеми доступными им средствами неустанно подтачивали тылы фашистских

захватчиков. Рисуя эти картины, Полевой так же, как Фадеев в «Молодой гвардии», Горбатов в «Непокоренных», Ванда Василевская в «Радуге», стремился рассказать то, что знал и слышал о жизни советских людей под властью фашистов, то, что видел собственными глазами, когда по заданию «Правды» пробирался через линию фронта к партизанам в калининские и смоленские леса.

В изображении врага, как мне кажется, писатель не сразу нашел верный тон. Встреча Муси и Корецкого с гитлеровцами в помещении эвакуированного банка выглядит ненужно облегченной. Поведение Корецкого, его речи сильно смахивают на какой-то неумный фарс. И уж очень немудрящи приманки Митрофана Ильича, хотя на них безотказно «клюет» фашистский офицер. В других сценах — на улицах города, в «зоне пустыни», в избе лесника — фашисты написаны гораздо точнее и убедительней — с их животной жестокостью, подлостью, с их приступами внезапной истерии. Что же касается изображения подвигов советских людей, то эти страницы принадлежат в романе к самым волнующим. Мы живо представляем горячего, порывистого Мирка Черного, в прошлом машиниста паровоза, а сейчас партизанского пулеметчика. Несмотря на тяжелое ранение, он героически прикрывает отход своего отряда, решив умереть так же, как прожил всю свою жизнь, — «на больших скоростях». Нас привлекают образы юного партизана Толи

Златоустова и суровой ветлинской колхозницы, которая, посылая своего сынишку Костю проводником по немецким тылам, не знает, увидит ли его снова живым. Запоминаются и совсем эпизодические фигуры солдат-артиллеристов, только однажды в лесу промелькнувших перед глазами Муси. Выбираясь из окружения, они не бросают свое оружие, тащат его за собой по грязи на постромках.

И долго воспоминание об этих мужественных, загорелых до черноты лицах будет облегчать Мусе собственную ношу. Николаю Железнову она говорит, что после войны советским людям за их подвиги надо будет ставить мраморные памятники. На это мрамора не хватит, отвечает Николай Железнов. Что ж, он сказал верно. Но кто из участников Отечественной войны, прославленных или оставшихся безыменными, совершая свои подвиги, думал о том, будет ли его имя высечено на мраморе? Маяковский писал — «Пускай нам общим памятником будет построенный в боях социализм» — не только от имени своего поколения. За это шли на смерть многие безвестные герои войны. Хвала нашей литературе за то, что простой и величавый облик этих героев запечатлен на страницах военных стихов и романов, рассказов и очерков. И герой военных произведений Полевого — это всегда скромный труженик войны, человек из «массы», тот, кто не помышлял о бессмертной славе, когда

добывал в боях свою трудную победу. Таким он предстал перед нами и в первых корреспонденциях Полевого с фронта и в романе «Золото».

9

Еще в процессе работы над «Золотом» Полевой обратился к своей главной теме — изображению жизни рабочего класса. В повести «Вернулся» (1949), в сборнике рассказов и очерков «Современники» мы встречаем его любимого героя — передового рабочего, новатора, одного из тех, кто в «горячем цехе» Калининского вагоностроительного завода уже в 30-х годах стал инициатором стахановских рекордов. Это как будто тот же герой и не тот! Ведь между повестью «Горячий цех» и повестью «Вернулся» прошло десять лет, целая историческая эпоха в жизни советского народа. Сколько дорог исходил за годы войны герой Полевого? Его обдували ветры чужих стран. Он многое испытал. И жизнь внесла свои существенные поправки в этот образ. Но прежде, чем рассказать, каким возвратился с войны уже знакомый нам человек, обратимся еще раз к военным книгам Полевого, тем более, что некоторые общие выводы имеют прямое отношение и к его новым произведениям.

У нас часто пишут и говорят, что вся художественная проза военных и первых послевоенных лет была отмечена печатью до-

кументализма. Алексей Толстой подчеркивал, что в дни войны главной темой литературы стала тема родины и победы, а героем — русский советский человек — конкретный, с именем и отчеством, сын народа, герой Отечественной войны. Такого рода произведения выросли, конечно, не на пустом месте. Мы уже говорили, что романы, повести, рассказы о живых людях — одно из заметных и плодотворных направлений советской литературы. Такие произведения еще в 20-е годы, со времени «Железного потока» и «Чапаева», завоевали широкую популярность у читателей. Вполне закономерно, что многие произведения военных лет, когда писатель близко изо дня в день наблюдал во фронтовой обстановке своих героев, были отмечены печатью документализма. От Бориса Полевого, который уже первую свою повесть «Горячий цех» строил как произведение художественное и одновременно документальное, такое направление нашей литературы не потребовало внутренней перестройки. Ему не надо было искать свое место в строю. В качестве военного корреспондента Полевой разделил с армией тяготы военных походов. И как солдат, который все вынес сам, он не приглушал трагических красок, описывая нашествие врага и отход Советской Армии.

Военные произведения Полевого, как мне кажется, отразили своими сильными и слабыми сторонами силу и слабость многих произведений, созданных по горячим следам

войны. Этим произведениям часто еще недоставало широкого осмысления хода событий, глубинных процессов войны, охвата картины в целом, а заодно и более пристального раскрытия духовного мира человека, проникновения в тайники человеческого сердца. Это была «литература факта», но не в лефовском понимании термина — ведь теоретики ЛЕФа отказывали художнику в праве на домысел и типизацию, объявляя их чуть ли не элементами «обманно-художественного творчества», а в том высоком значении, когда именно факт, документ, подлинная биография человека под пером художника приобретали типический смысл. Известно, с какой тщательностью Д. Фурманов воспроизвел в «Чапаеве» политическую и военную обстановку на том участке Восточного фронта, где сражалась знаменитая 25-я чапаевская дивизия. Однако его книга художественное, а не историческое повествование, не мемуары. Прежде всего писатель стремился дать обобщенную картину действительности, типические характеры людей. И об этом он сам не раз писал в разгар работы над «Чапаевым». Точно следуя за фактами действительной жизни, автор «Чапаева» и «Мятежа» настойчиво преодолевал фактографизм, который проповедовали теоретики ЛЕФа и который на практике в своем «чистом» виде породил лишь несколько худосочных повестушек, ныне прочно позабытых. В произведениях об Отечественной войне, таких, например, как «Морская

душа» Л. Соболева, повесть «Волоколамское шоссе» А. Бека, «Дни и ночи» К. Симонова, наконец, повести и рассказы Б. Полевого, живой, конкретный человек тоже начинал жить как литературный тип, потому что в его подвиге художник сумел увидеть воплощение лучших черт советского характера. По этим и другим книгам зарубежный читатель узнавал правду о советском народе, по ним мог составить непредвзятое представление о наших людях. Не случайно осенью 1956 года, в разгар контрреволюционных событий в Венгрии, когда французская реакция предприняла разнузданный поход против Советского Союза, против компартии Франции, газета «Юманите» стала из номера в номер печатать «Повесть о настоящем человеке», а французская прогрессивная газета на еврейском языке «Нейе пресс» публиковала под названием «Клад» роман «Золото»...

Но возвратимся к произведениям Полевого о труде.

Итак, окончилась война. В родные края приезжают демобилизованные фронтовики. Человек в не новой, повидавшей виды шинели, с не споротыми еще лямками для погон и с темным следом звезды на форменной фуражке становится героем многих произведений поэзии и прозы. Каким же он стал, провоевав пять долгих лет? Что принес с войны? Что нашел на родине? Полевой, как и на фронте, не расстаётся со своим героем.

Он пишет повесть «Вернулся», используя историю известного московского сталевара. Но даже если бы Полевой не «проговорился» о прототипе Казымова в одной из своих статей, все равно характер героя повести мы легко могли бы узнать в очерках Полевого, тогда же опубликованных в «Правде». Например, в очерке «Черты коммунизма» описан ленинградский слесарь Иван Карташев, бывалый советский солдат, ставший после войны на своем заводе изобретателем, рационализатором. В чувствах и поступках Карташева, завоевавшего на фронте радость возвращения к мирному труду, много общего с героем повести сталеваром Пантелеем Казымовым. Только в повести Полевой избирает для «человека в шинели» более трудный вариант возвращения. Казымов приезжает в родной город, где когда-то счастливо и ладно складывалась его жизнь. Он дома, но дома у него нет. Семья Казымова еще в дни войны погибла от тифа. Он на своем заводе, но это другой, незнакомый завод. Друзья-соратники по новаторским починам вместе с прежним заводом эвакуированы на Урал. На старом месте жизнь предстоит начинать вторично, чуть не с самого начала. Но Казымов — человек труда. Тоска по труду заставляла сапера Николая Харитонова и на фронте все время мастерить что-то полезное. Танкиста Пантелея Казымова она гнала на заводские окраины чужого немецкого городка, где после войны Казымов ра-

ботал помощником военного коменданта, а по пути домой заставляла пересаживаться с поезда на самолет — так не терпелось ему возвратиться к любимой профессии. И хотя на заводе Казымова ожидало еще одно горькое разочарование, потому что его собственные, до войны всех поражавшие методы труда оказались уже устаревшими, он смело взялся за восстановление былой квалификации, многое освоил заново.

Таким образом, Казымов, подобно Мересьеву и героям других произведений Полевого, оказывается в таком положении, когда приходится мобилизовать все силы, всю свою волю, по-военному подтянуться для того, чтобы перебороть не только неблагоприятные внешние обстоятельства, но и большое личное горе, преодолеть собственные душевные колебания. Иначе говоря, ему надо подняться на такие высоты подвига, которые под стать настоящим советским людям. И по мере того, как все новые и новые трудности наваливаются на Казымова, нам отчетливо видно, с каким упорством добивается своей цели этот угрюмый и одинокий человек. Его настойчивые производственные искания заставляют вспомнить бригадира Илью Лузгина из «Горячего цеха». Их обоих сближает влюбленность в труд, вечное недовольство собой, требовательность к себе и другим, наконец, заслуженная трудовая слава.

Правда, в повести «Вернулся» Полевой решал как художник более узкие, локальные

задачи. Сосредоточившись главным образом на описании душевной драмы Казымова, который в предвоенные годы был среди зачинателей скоростного сталеварения, а теперь сам должен догонять своих вчерашних учеников, писатель меньше, чем в «Горячем цехе», уделит внимание картинам заводской жизни. Казымов тяжело переживает временную потерю квалификации. Стыдясь своих первых неудач, он порой испытывает даже желание бежать с завода куда-нибудь на новое место. И возможно, Казымов действительно проявил бы слабость, если бы не эта неназойливая, часто даже незаметная для него самого помощь и поддержка новых товарищей. Мы видим в повести, как под влиянием сильного рабочего коллектива, в свое время так же вот помогавшего Женьке Сизову встать на ноги, меняется и «оттаивает» Казымов, как участие в судьбе Казымова Клавдии Шлыковой, вдовы его друга, погибшего на фронте, помогает ему постепенно преодолеть тоску и одиночество.

Перерабатывая повесть для нового издания в 1954 году, Полевой глубже, полнее развил именно личную тему, несколько схематичную в первоначальном варианте. Не юношеская влюбленность и не мимолетное увлечение, а зрелое, выношенное чувство определяет эти отношения. Сначала симпатия, а потом любовь к ее сынишке Славику еще крепче привязывают Казымова к Клавдии. Не просто и не легко двум этим людям, потерявшим на войне всех близких, начинать

новую совместную жизнь. Но их чувства освящены не только взаимной любовью, но и благородной заботой о ребенке. Тут уже нет ничего от той буколической легкости, с которой, скажем, в романе «Золото», вообще-то весьма суровом по колориту, описывается любовь Муси и Николая Железнова. В повести «Вернулся» трудной любви соответствует и вся атмосфера трудного послевоенного быта в разоренном оккупацией городе, где не хватает жилья, где люди живут тесно и скученно, порой даже голодно. Но в самой этой суровой будничности, в отношениях людей друг к другу таится много подлинной поэзии. Нам раскрываются характеры, подчас замкнутые, внешне неприветливые, но привыкшие по-фронтовому, спокойно и бесхитростно делить пополам горе и радости. И таким же достойным человеком оказывается маленький Славик. Стоит вспомнить хотя бы первую его встречу с Казымовым, которого мальчик сначала принимает за своего отца. Славик уже готов броситься к нему на шею, но вдруг понимает, что ошибся:

«Будто кто щелкнул выключателем — так быстро погасли глаза ребенка. Он весь поник. Но это, должно быть, был мужественный мальчик. Он не заплакал. Скинул с кровати ноги с большими ступнями. Спросил:

— Вы видели, как фашисты убили папу?»

Особо надо сказать об отношениях Казымова с Владимиром Шумиловым. Недав-

ний «фезеошник», занявший на заводе место своего учителя, теперь сам становится учителем Казымова по скоростным плавкам. Всем своим внешним видом, манерой работать в цехе Шумилов напоминает инженера. Это новый тип рабочего, чей труд значительно приблизился к инженерному. Да и Казымов, ревниво наблюдая за уверенными действиями молодого сталевара, начинает понимать, что одной только суммы приобретенных годами производственных навыков теперь недостаточно. Его собственный первый опыт скоростной плавки уже опирается на целую технологическую систему, построенную на свой лад, изученную и продуманную до мелочей, днем — у мартеновских печей, а ночью — над учебниками. И это, как думается, то главное, что по сравнению с «Горячим цехом» увидел писатель на производстве. Творческое отношение к труду привлекало нас в облике таких пытливых искателей нового, как Женька Сизов и его учитель Илья Лузгин. У Казымова и Шумилова неустанные творческие поиски помножены на более глубокое знание сложной техники. Эти люди достигли нового успеха в сближении умственного труда с физическим. Соответственно иным стал и облик рабочего.

Повесть «Вернулся» в творчестве Полевого является переходной. Тут писатель как бы еще «примеривается» к тем проблемам, которые будут занимать его и в новой книге. Это первая разведка темы. Отсюда, вероятно,

беглость, эскизность многих страниц. Но история Пантелея Казымова открывает целую серию рассказов о наших современниках — не только ветеранах войны, — ставших на стройках пятилетки сталеварами, бетонщиками, экскаваторщиками, сварщиками; это прежде всего рассказы о людях, которые, овладевая достижениями новой современной техники, делают труд рабочего похожим на труд инженера.

10

В разгар строительства Волго-Донского канала Борис Полевой вместе с художником Н. Н. Жуковым по заданию редакции «Правды» неоднократно выезжал туда. Он несколько раз был на Волго-Доне в 1950 году, подолгу жил среди его строителей в 1951 и 1952 годах. Для бывшего военного корреспондента эти командировки во многом были сходны с фронтовыми. Так случалось и в дни войны, когда, получив боевой приказ, писатель откладывал все прочие дела и мчался на тот участок фронта, где начиналось наступление. В мирные, послевоенные годы наступление велось по берегам Дона и Волги. Оно нарастало и ширилось, имело своих героев. Тут совершались подвиги под стать боевым, вынашивались и осуществлялись операции, столь же дерзкие, как на фронте. Не случайно среди строителей Волго-Дона часто мелькают

имена легендарных партизан ровенских лесов, сталинградских артиллеристов, танкистов, гвардии рядовых. Между их боевыми и трудовыми подвигами есть прямая связь. Полевой это подчеркивает неоднократно. Белый голубь, неумело нарисованный на экскаваторе демобилизованного танкиста Дмитрия Слепухи, во многом объясняет секрет успехов знатного экскаваторщика, рожденных из «неистребимой любви к мирному труду, пронесенной через все фронты». Да и собственные очерки Полевого о Волго-Доне самым своим подходом к материалу, горячим стремлением автора крупно, выпукло показать черты героического советского характера живо напоминают очерки фронтовых лет. Во всяком случае, подобно боевым, оперативным корреспонденциям с полей сражений, они, как и в былые годы, регулярно появлялись на страницах «Правды».

Полевой снабдил их подзаголовком «Очерки наших дней». И действительно, это были очерки о рабочих пятидесятого года, о людях крупнейших послевоенных строек, так же как «Горячий цех», повестью о рабочих-стахановцах предвоенных лет. В этом смысле от Сизова и Лузгина к Шумилову и Казымову, а дальше к Анатолию Ускову, Евгению Симаку, Дмитрию Слепухе ведет прямая дорога. Но время, испытания военной поры прибавили новые яркие краски к образу передового рабочего. Он вырос за это десятилетие, духовно обогатился. Изменились его жизнь, быт, культурный уровень,

даже речевой словарь. Все эти глубокие качественные перемены, приближающие, как мы уже говорили, труд многих рабочих к инженерному, и старался уловить писатель, сперва наблюдая за работой сталеваров, будущих героев повести «Вернулся», потом живя в поселках строителей Волго-Дона и присматриваясь к их работе в кабинах гигантских экскаваторов, на палубах земснарядов, в земляных карьерах. При этом Полевой, по его собственному признанию, даже пережил примерно то же, что Пантелей Казымов. Ему приходилось пополнять запасы наблюдений, заново все продумывать, внимательно изучать послевоенную жизнь рабочего класса, которая далеко ушла с тех пор, как Полевой, заведая отделом в калининской газете, в силу своей журналистской профессии был свидетелем многих замечательных новаторских починов калининцев.

В какой же мере писателю удалось решить стоявшие перед ним задачи? Не останавливаясь пока на просчетах, скажем, что в сумме он сумел создать в своих очерках, позднее объединенных в книгу «Современники», запоминающийся коллективный портрет строителей коммунизма, людей, которые в своей практической деятельности решительно стирают грань между умственным и физическим трудом. Не случайно, обобщая впечатления от поездок на Волго-Дон, Полевой особо останавливался на одном маленьком, поразившем его наблюдении:

Поднявшись в кабину гигантской машины, он увидел управлявшего ею молодого человека, на лице которого было написано напряжение, но не физическое, нет, а умственное. И вот это умственное начало в труде современного рабочего, вооруженного могучей советской техникой, и есть, как писал Полевой, одна из генеральных тем нашей литературы, поскольку в ней отразились радостные приметы времени.

В «Современниках» эта тема освещается довольно широко. Разными путями стекаются на стройку люди — от бывалых солдат, четыре года не расстававшихся с автоматом, до безусых юнцов, которые в дни войны сами еще бегали в школу. Но для тех и других Волго-Дон становится настоящим «университетом». Тут люди учатся жить и мыслить с коммунистическим размахом. Очерк «Подруги» в художественном отношении, быть может, не самый лучший, с точки зрения общего замысла автора, весьма характерен. Две девушки, две подружки, которых на первых порах рабочие называют между собой то «пигалицами», то «малявками», овладевая на стройке новой сложной профессией электросварщиц, постепенно догоняют самых квалифицированных рабочих. А вместе с знанием появляется желание усовершенствовать и улучшить свой труд, приходит страсть к техническому творчеству. И вскоре скромные имена подруг узнает вся страна. Таким образом, главная идея книги здесь находит свое конкретное воплощение.

Но в том-то и дело, что таких реальных биографий в «Современниках» рассказано немало. И судьба подруг-электросварщиц Марии Болдыревой и Зои Поляковой в чем-то важном сходится с судьбой знатного землекопа Евгения Симака и скрепериста Виктора Мохова. Она сходится с судьбой трех безвестных рабочих из рассказа «Реплика с места», которые внесли столько полезных поправок в конструкцию новой сложнейшей машины, да и многих других строителей Волго-Дона, проявляющих в учебе, в работе, в преодолении препятствий новые замечательные качества, в том числе и такие, которые Полевой называет «умственным напряжением» в труде рабочего человека.

Шаг за шагом раскрывая в деятельности своих героев умственное, творческое, сознательное начало, Полевой показывает и самую поэзию творческого труда, творческой энергии рабочего человека — все то, что издавна составляло внутренний пафос его очерков, рассказов, повестей и в «Современниках» живо помогает ощутить атмосферу великой стройки.

Это творческое, созидательное начало постоянно проявляется не только в активной борьбе за рационализацию, ускорение производственных процессов, как у электросварщиц Болдыревой и Поляковой, но и в решимости идти на разумный риск, как это случается в истории комсомольца-монтажника Петра Синицына или водолаза Михаила Лесина и его товарищей. Их «вклад» оказался

совсем особенным, потому что, помогая общему делу, каждый рисковал своей жизнью. Но ведь, производя на дне реки опаснейшую работу по закрытию прорана, Лесин рассчитывал не только на собственную выносливость и настойчивость. Он руководствовался простым и хитроумным планом, который сам же выработал, когда впервые спускался с товарищами на разведку донского дна. Дух творчества и здесь оказался важнейшим.

И другие черты в коллективном портрете строителей Волго-Дона, нарисованном Полевым, делают его для нас особенно привлекательным. Прежде всего это беспокойный молодой задор и молодой энтузиазм строителей. Дело, разумеется, не только в возрасте, а в тех чувствах, которые приводили в пустую солончаковую степь и демобилизованного солдата, и многоопытного инженера-строителя, и комсомольца-патриота, и даже шестиклассника Костю Ермоленко, зачислившегося сюда на все время летних каникул «практикантом». Но разве не с теми же мыслями, гордясь доверием родины, отправлялся в сибирскую тайгу строить Комсомольск другой герой Полевого, будущий летчик Алексей Мересьев, а нынче по призыву партии уезжают на стройки шестой пятилетки тысячи юношей и девушек, которых писатель встречал на берегах Ангары? В очерках Полевого многие молодые добровольцы, вероятно, могли бы узнать самих себя, свою сегодняшнюю судьбу. И не так уж в конце концов важно, кем были люди на

стройке Волго-Донского канала — командирами или рядовыми. Важно, как выполняли они порученную работу. Хрупкая девушка Валя Зайцева, по прозвищу «Зайчик», была только скромным библиотекарем. В ее обязанности не входило закрытие прорана и починка обрыва провода на стометровой высоте. Она всего лишь доставляла книги и журналы строителям. Но в том, как Валя, нагруженная двумя тяжелыми тючками, в метель и стужу бесстрашно пробирается с одного участка стройки на другой, по-своему, но тоже очень ярко проявляется красота характера рядового советского человека. Это ее, Валин, «вклад» в большое общее дело — одновременно и скромный и возвышенный.

Критики упрекали в свое время Полевого за то, что, издавая «Современников», он не окинул их еще раз внимательным, придирчивым взглядом и не постарался придать этому цельному по внутреннему замыслу сборнику больше цельности художественной. В общей форме это, конечно, верно. В различных рассказах и очерках, включенных в книгу Полевого, различна степень авторской удачи. Спустя несколько лет это видно еще отчетливей. Некоторые очерки, оставшиеся на уровне торопливых газетных корреспонденций, не пережили своего времени, хотя на газетной полосе они и сыграли свою полезную роль, а «Зайчик», «Исторические шумы», «В тумане», «Практикант», «Морская улица», «Вклад» и другие полнокровные

художественные миниатюры живут и сейчас, сохраняя горячее дыхание стройки, ее неповторимые черты.

Дело тут, разумеется, не в том, что писатель мало изучал «натуру». История происхождения волго-донских рассказов Полевого, как мы знаем, скорее говорит о другом, хотя, конечно, не исключено, что запас непосредственных впечатлений в одних случаях мог быть богаче, в других — бедней. Но гораздо вернее предположить, что писатель кое-где слишком понадеялся на материал живой жизни, настолько яркий, что он как бы говорил сам за себя. Этим иногда и определялась пассивность авторской позиции. Там, где Полевой ограничивался ролью слушателя, протоколиста событий, он вольно или невольно упрощал свою творческую задачу. В таких, например, очерках, как «Солдатская сирота» или «Сын Сталинграда», взяты яркие человеческие судьбы, но материал не переплавился в художественные образы, автор не нашел оригинального поворота темы. Композиция и сюжет не выдержаны до конца, хотя в очерке они должны быть не менее строго продуманы, чем в любом другом художественном произведении. Сам же Полевой справедливо доказывал в статье «О работе над очерком», что если содержание очерка всегда должно иметь «точный адрес», то форма изложения может обладать всеми признаками рассказа или новеллы, да и факты лучше располагать так, чтобы действие разворачивалось по нара-

стающей кривой. И характерно: там, где Полевой «впускал» в свою книгу и догадку и домысел, не боясь некоторых вольностей в изложении того, что пережито и перечувствовано его героями, он, как художник, добивался наибольшего успеха. И это, кстати говоря, нисколько не умаляло достоверности материала.

Вот, например, история, случившаяся «в тумане». Здесь сами обстоятельства таковы, что одной протокольной точности, вероятно, было бы уже недостаточно. Ведь из-за густого тумана автор даже не видит тех, кого описывает. Он только слышит голоса идущих впереди него женщин и по этим голосам, по оживленным репликам додумывает, дорисовывает, «лепит» черты их образа. Вспомним, женщины наперебой ругают мужей, которые, выписав их за тысячи километров, по целым неделям не показываются дома. Но сами-то женщины, как выясняется, несмотря на дождь и распутицу, идут в этот поздний час на дальние участки к мужьям — три часа по жидкой грязи, только затем, чтобы побаловать их домашним борщом и пельменями. Ведь на какой стройке работают! Да и можно разве сравнить ресторанное блюдо с домашним? Прием контрастных сопоставлений, который Полевой любит и часто использует, помогает нам заглянуть в души совсем незнакомых людей, глубже почувствовать и суровые будни стройки и тепло человеческих отношений. Неважно, что при этом автор лишь мельком увидел женщин в лицо, что

он не называл их фамилий. Все равно в нашем сознании они становятся в один ряд с живыми, реальными героями Волго-Дона. Читатель не сомневается в подлинности описанного случая, потому что все правдиво в самом рассказе — и вымысел и реальность.

Сошлемся на другой пример — очерк «Практикант». Сравнивая описание Полевого и рисунок художника Жукова, сделанные с одной и той же натуры, критики отмечали, что схвачено здесь одно и то же: сочетание серьезности с детскостью. Только Полевой это уловил и передал в поступках, в поведении Кости Ермоленко, а Жуков — во «взрослом» выражении курносого, мальчишески-озорного лица юного энтузиаста стройки. Такое совпадение характеристик лучше всего подтверждает их психологическую точность. И одной только бесхитростной «фотографией» здесь, пожалуй, тоже нельзя было обойтись. В создании этого образа активно участвовали и зрение, и слух, и писательское воображение, помогавшие обобщить, осмыслить контрастные, противоречивые черты.

Другое дело, что, с точки зрения строгих блюстителей очеркового жанра, кое-где границы вольно или невольно нарушались. Но так ли уж непреодолимы эти границы? И разве в книге Полевого те очерки, где строители канала названы по имени, отчеству и фамилии, где есть подробная биография, но писательское воображение, слух и зрение оказываются как бы выключенными,

дают более полное и точное представление о людях? Горьковское замечание, что очерк стоит где-то между рассказом и исследованием, как раз и предполагает художественное осмысление фактов и документов. А живой опыт литературы уже многократно подтверждал справедливость и плодотворность этих слов.

11

Важное место в работе Полевого-очеркиста занимает зарубежная тема. Как один из активных участников движения сторонников мира, Полевой побывал после войны во многих странах на международных конгрессах и съездах, не раз усаживался за круглый стол с писателями Востока и Запада для обсуждения актуальных проблем литературы, выступал на широких пресс-конференциях. Но кроме официальных встреч было множество встреч неофициальных, не предусмотренных никакими программами, с сотнями и сотнями людей разных политических взглядов, разных национальностей и разных социальных положений, просто искавших случая обменяться мыслями с приезжими из Советской страны, услышать правду о жизни нашего народа. Ему доводилось беседовать с крупными американскими финансистами и мелкими провинциальными лавочниками, с китобоями Исландии и безземельными румынскими крестьянами, сходявшимися

в город, чтобы получить из рук народного правительства грамоты на пользование помещичьей землей, с китайскими фрикшами, с веселыми подавальщицами из крохотных итальянских тратторий и даже с президентом мормонской церкви, почти недоступным для иноверцев.

В 1956 году вышла отдельным изданием книга Полевого «Американские дневники» — отчет-репортаж о поездке семи советских журналистов по большим и малым городам США. Почти одновременно в журнале «Юность» появились очерки Полевого «За тридевять земель» — тоже обстоятельный, записанный по дням дневник путешествия советских туристов на теплоходе «Победа» вокруг Европы, а в начале следующего года в журнале «Октябрь» печатался его дневник «30 000 ли по Китаю». Но, вероятно, самый толстый том все же мог бы состояться из тех зарубежных очерков, в которых Полевой на протяжении последних лет регулярно отчитывался на страницах газет и журналов о своих зарубежных впечатлениях и встречах. Особенно интересны, конечно, те из них, где описываются не разрозненные внешние наблюдения (такие поверхностные очерки тоже есть у Полевого), а резкие социальные контрасты капиталистического общества, быт и нравы народа. В этом смысле характерны такие, например, очерки, как «Потомки Твераингура» — о борьбе патриотов Исландии против попыток превратить Исландию в американскую военную базу

или «Венеция — город тружеников», который полемичен по самой своей сути. Автор как бы бросает тут вызов традиционным, привычным представлениям об этом городе, воспетом поэтами больше всех других итальянских городов.

Да, Венеция действительно сказочно прекрасна, «словно поднявшаяся однажды силой какого-то волшебства со дна голубой лагуны, да так и застывшая на века, стоя по колено в воде». Но за музейной внешностью Венеции, за всем тем, что выставляется напоказ, специально для иностранных туристов, писатель постарался разглядеть трудовое лицо города, закопченные венецианские окраины, их многочисленных обитателей. Это очерк не о всемирно знаменитых венецианских площадях, дворцах и каналах. В нем рассказаны куда более прозаические истории: безработных учителей, детей героически погибших партизан, венецианских рыбаков, вынужденных зарабатывать свой хлеб тяжелым и опасным трудом, рабочих компании Бреда.

Если попытаться коротко обобщить впечатление от зарубежных очерков Бориса Полевого, то прежде всего надо отметить их непредвзятый тон, тон человека, готового дружески поддержать все ценное, что встречается советскому человеку за рубежом. Так, Маяковский, открывая для себя и для нас, читателей, Америку, находя в американской деловитости, в американской технике

немало практически полезного, в то же время очень точно определил мироощущение советского человека за рубежом: «У советских собственная гордость. . .»

Гордость за страну социализма, за всемирно-исторические победы нашего народа, не имеющая, конечно, ничего общего с кичливостью и зазнайством, определяет поведение советского человека, странствующего в чужих краях. Это чувство особенного, советского патриотизма испытывали Ильф и Петров, сравнивая в «Одноэтажной Америке» советских людей за рубежом с влюбленным, оторванным от своей любимой и ежеминутно о ней воспоминающим. «Не было разговора, который в конце концов не свелся бы к упоминанию о Советском Союзе: «А у нас то-то», «А у нас так-то», «Хорошо бы это ввести у нас», «У нас это делают лучше» и т. д. Это же чувство, возбуждающее дух здорового соревнования, желание одно похвалить, о другом откровенно поспорить, и весьма энергично — с позиций советского человека, у которого совсем иные понятия о целях жизни, о свободе и демократии, отнюдь не противоречило стремлению семерых советских журналистов повидать все ценное, что есть у американцев. В предисловии к «Американским дневникам» Полевой даже специально оговаривался, что именно с этой целью отправлялся на противоположный конец земного шара. Ведь без знания не может быть и настоящего взаимопонимания.

«Все это так, но... Ах это «но», всегда оно путается в ногах!» Такие строчки Полевой записал в свой дневник, едва только делегация вступила на американскую землю. Начать с того, что Госдепартамент готовил для советских журналистов интересное турне по всяким достопримечательным местам, заранее ограниченное жестким сроком и маршрутом, а участники поездки хотели увидеть, и не только с парадного хода, нынешнюю жизнь Америки и искали возможности добиться этого. С другой стороны, путешествуя по стране, они не раз встречались с дикими предрассудками и нелепыми представлениями о Советском Союзе, которые породила за океаном «холодная война»; и хотя многие простые американцы выражали искреннее желание поскорее похоронить эту старую ведьму, мешающую всем жить, советские журналисты сталкивались с самыми безобразными ее выходками. Всячески стремясь охладить теплые чувства, неизбежно возникающие из непосредственного общения между людьми, пропагандисты и проповедники «холодной войны» измышляли против нашей делегации всевозможные грубые провокации, устраивали отвратительные инсценировки.

Таким образом, самое путешествие протекало в не совсем обычных и отнюдь не в легких условиях. Это, конечно, надо иметь в виду, оценивая книгу Полевого и сравнивая его «Американские дневники», скажем, с китайскими. При слове «суляньжень» (со-

ветский человек) в Китае гостеприимно распахивались все двери и сердца. А в Америке многое из того, что советским журналистам хотелось повидать, они так и не увидели. В Кливленде не удалось запросто побеседовать с рабочими фордовского завода, в Скалистых горах — зайти в квартиры рабочих меднорудных копей, а индейскую резервацию можно было разглядеть только из окна самолета, с высоты тысячи метров. Зато охотно и вблизи показывали парадную, щеголеватую Америку, стараясь убедить, что она-то и есть самая «настоящая». Не случайно на вопрос одного задиристого нью-йоркского репортера, видели ли они в Америке безработных или плохо одетых людей, советские журналисты могли с полным основанием иронически ответить: «Господа, не забывайте, что мы живем в «Уолдорф-Астория» (самом фешенебельном отеле Нью-Йорка).

Но даже и при такой искусственной суженности взгляда, неизбежной беглости многих впечатлений книга Полевого оказалась насыщенной множеством интересных наблюдений, фактов, выводов. Как бы строго ни регламентировал Госдепартамент маршрут поездки журналистской делегации, он регламентировал только маршрут, только сроки и время, но не чувства и живые впечатления действительности. Под предлогом возможных эпидемических заболеваний, якобы вспыхивающих в этом районе, легко было закрыть доступ в горняцкие домики, но

нельзя было упрятать от советских людей американский быт. А он неожиданно приоткрывался самыми непритягательными своими сторонами, то со страниц американских газет, то в рассказах и откровенных «исповедях» случайных дорожных спутников. Ведь американский быт это и история знаменитого гангстера Вилли Биёфа, сколотившего за время своей бандитской деятельности с помощью угроз и шантажа огромное состояние, а потом зверски уничтоженного шайкой дельцов из игорных домов Невады, которых Биёф, удалясь в «частную» жизнь, тоже пытался шантажировать. Это и взрыв пассажирского самолета в районе Денвера, с ледяным хладнокровием подготовленный неким молодым американцем, — таким образом он решил ускорить получение наследства от своей матери, находившейся среди пассажиров. Это и лирическая драма молодой стюардессы, тоже в «чисто американском вкусе». Девушка вынуждена отказать своему возлюбленному, потому что, поступая на работу, стюардессы дают авиакомпании подписку не выходить замуж. Ведь девичья фигура — их капитал. Стоит только нарушить условие, и авиакомпания вместе с поздравлением присылает уведомление об увольнении. Наконец, общее представление об американском образе жизни складывалось у наших журналистов не только из рассказов чиновников Госдепартамента, сопровождавших делегацию и старавшихся изо всех сил рекламировать или, как здесь гово-

рят, «продавать Америку». У советских журналистов был такой замечательный собеседник, как Поль Робсон, человек, горячо любящий свой народ, по-настоящему, глубоко и широко понимающий его жизнь. Они встречались с влиятельным кливлендским финансистом Сайрусом Итоном, умным и деловым практиком, сумевшим трезво оценить все выгоды мирного сосуществования. Да и наша коммунистическая идеология, наша жизнь и борьба сделали взгляд советских журналистов достаточно зорким.

Полевой однажды писал, что, посещая капиталистические страны, в том числе и самую богатую из них — США, он не раз ловил себя на том, что как бы переносился во вчерашний и даже позавчерашний день. Правда, сами американцы часто любят вспоминать о том, что их страна и ее история еще очень молоды. Но приезжим из Союза Советов США показались миром далекого, давно у нас позабытого прошлого, где люди живут в постоянном страхе перед кризисами, без веры в завтрашний день. Заканчивая «Американские дневники», Полевой честно писал, что пересечь океан интересно, полезно и поучительно, но жить там, за океаном, советскому человеку не хочется.

В полном смысле этого слова путешествием в завтрашний день была книга очерков Полевого о Волго-Доне. Продолжая сравнение, можно сказать, что и поездка в Народный Китай оказалась для писателя

радостным путешествием в будущее, особенно знаменательным еще и по контрасту с американскими впечатлениями. Во всяком случае, рассказы о строителях нового Китая, о размахе и масштабах их труда, самая атмосфера силы, молодости, хорошо переданная в книге Полевого о Китае, — все это заставляет вспомнить «современников», работавших с такой же страстностью и, как говорил Полевой, одержимостью на наших новостройках.

Надо сказать, что самая форма свободных дневниковых заметок, за последнее время трижды избиравшаяся Полевым для отчетов о поездках за рубеж, оказалась очень емкой и удобной. Это и живая, почти всегда непосредственная запись впечатлений (все три книги действительно написаны «в пути») и одновременно остроумный, широко аргументированный и далеко не бесстрастный авторский комментарий ко всему, что за время путешествия довелось увидеть и пережить. Но если китайские дневники воспринимаешь как взволнованный рассказ об огромных успехах, достигнутых народом в невиданно короткие сроки, то дневники американские — это спор человека социалистического мира с миром далекого, уже позабытого у нас эксплуататорского прошлого, сам по себе настолько живой, конкретный и убедительный, что совсем не было нужды еще и в особых «моралитэ». А в «Американских дневниках» Полевой счел нужным чуть не в конце каждого из тридцати трех дней,

проведенных в США, адресовать такие «моралитэ» к своему воображаемому собеседнику — «среднему американцу», ветерану войны Джону Смиту, по совести говоря, самому неживому персонажу этой живой и увлекательной книги.

Кое-где автора «Американских дневников» можно упрекнуть за поверхностность наблюдений, чему, как мы знаем, были свои причины, связанные с организацией самого путешествия. Но по охвату материала эти дневники, так же как и китайские, отличаются завидной широтой. Полевой повидал разных американцев — умных и неумных, дальновидных и недальновидных, повидал добрых, испытанных друзей нашей страны и ее заклятых врагов, познакомился с удивительными контрастами американской жизни и обо всем постарался добросовестно и откровенно рассказать читателям.

Из книги его дневниковых записей можно составить живое представление о сегодняшней Америке, о влиятельных заправилах «холодной войны», об их подручных «молодцах-удальцах», которых в Нью-Йорке, Кливленде, Лос-Анжелосе не раз «спускали» на советских журналистов, можно составить представление и о тех простых американцах, которых отравляют лживыми мифами об особом, якобы демократическом американском капитализме, ничего общего не имеющем со старым и хищным европейским, и столько времени пугают и оглушают шумной антисоветской

пропагандой. Подобные бредни затуманили немало доверчивых голов. Но здравый, реалистический разум простого американца, по наблюдениям Полевого, в какой-то мере нейтрализовал наиболее вздорные антисоветские измышления, а в живом общении с советскими людьми и вовсе раскалывалась и таяла ледяная стена неприязни.

Различные люди, с которыми Полевой встречался, странствуя по свету, наполняют его дневники многоголосым говором, движением, красками, дыханием жизни. В книге «30 000 ли по Китаю» приводятся почти стенографические записи бесед советских журналистов с китайскими друзьями, сохраняющие и поэтическую метафоричность, и мудрость, и тонкий юмор китайской речи. Но дело тут, разумеется, не в одной только добросовестности автора. Примером журналистского мастерства может служить хотя бы описание одного воскресного дня, проведенного тремя советскими людьми в Пекине. Смешавшись с толпой, они долго бродили по улицам незнакомого города, толкались по базару, слушали уличных рассказчиков увлекательных историй, пробовали у продавцов сладкой репы их своеобразное лакомство, заходили в дощатый балаган полюбоваться древним цирковым искусством. И в этой картине, где живо переданы чувства дружеской симпатии и уважения народа к «суляньжень», где передан особый праздничный ритм, которым жил в тот день огромный город, мы угадываем по

многим точным приметам, по самым удивительным сочетаниям древности и нови, самое главное — то новое, грандиозное, что происходит сейчас в стране, совершающей гигантский прыжок от полуколониального и полуфеодального строя прямо в социализм.

И в «Американских дневниках» ярко проявляется это журналистское умение ухватить, подметить в гуще событий, в смене лиц главное, существенное, а если говорить о портрете собеседника, то ухватить не только что-то смешное, странное, непривычное для советского журналиста в костюме, манерах человека, но и самое важное в его облике, поведении, образе мыслей. Ухватить на лету, потому что такие встречи чаще всего были мимолетными: знакомясь в поезде, в кресле самолета, в отеле, на официальном приеме с множеством людей, советские журналисты через несколько часов, а иногда даже минут навсегда прощались с ними. И тем не менее портреты, как бы набросанные художником-моменталистом, получились запоминающиеся: одни — с сенатора О'Магони — написаны с ядовитым сарказмом, другие — с пророка мормонской церкви Мак-Кея — с чисто журналистским интересом к своеобразному человеческому типу, третьи — с Люшеса Биби, по-американски предприимчивого журналиста, сделавшего свой бизнес на... Марке Твене, — с нескрываемой иронией, четвертые — с Поля Робсона и фермера Джона Джекобса — с горячей симпатией.

До сих пор мы говорили преимущественно о героях литературных произведений. Но было бы несправедливо ничего не добавить, хотя бы в конце, о живых прототипах. Ведь у большинства повестей и рассказов Полевого есть счастливая особенность: они не завершаются после того, как автор поставил в рукописи точку. Реальные герои, живя за пределами страниц, как бы продолжают недописанное и порой даже заставляют автора снова взяться за перо, как сапер Николай Харитонов, с которым Полевой встретился после войны на открытии Кегумской гидроэлектростанции.

А что стало с другими его героями? Где Алексей Петрович Маресьев? В редакции нью-йоркской газеты с этим вопросом к Полевому обратился тот самый журналист, который несколько лет назад предлагал пари, что Маресьев вообще не существует. «Ну как, все в порядке? — спрашивал он. — Ваш герой еще не посадил вас в калошу? Его фамилию в книжке не пришлось менять?» И снова, с нескрываемым злорадством, Полевой отвечал этому человеку, что его опасения несостоятельны. Алексей Маресьев с тем же упорством, с каким добивался на фронте права возвратиться в авиацию, после войны учился, защитил диссертацию и получил звание кандидата исторических наук.

Заокеанский собеседник пожимал пле-

чами. «Должно быть, — пишет Полевой, — он и до сих пор был убежден, что тут что-то не так, что ловкий литератор обманывает его и что все это лишь ужасная красная пропаганда. Но все, что невозможно в современном капиталистическом мире, становится чем-то даже типичным в мире социализма». Если бы этот скептик, так упрямо отказывавшийся верить в творческие силы советского человека, продолжал свои расспросы, он мог бы узнать и другие, удивительные для себя вещи. Например, украинская крестьянка из села Попивка Ульяна Михайловна Белогруд, та, что вместе со своей дочерью Марийкой хранила во время фашистской оккупации знамя танкового полка, получила после войны медаль за успешное выращивание свеклы. Ее дочь Марийка, комсомолка, стерженщица литейного цеха Полтавского паровозоремонтного завода, став на трудовую вахту в честь 300-летия воссоединения Украины с Россией, ежедневно выполняла производственные задания на 150—200 процентов. Командир партизанского батальона, сражавшегося под Ровно, Лев Павлович Ермолин после войны вернулся к своей профессии инженера и замещал главного инженера Волгодонстроя по механизации. В память о его партизанском прошлом товарищи называли Ермолина командиром землеройных гигантов. Комсомолка Муся, прошедшая с мешком золота за спиной сотни километров по захваченной врагом территории, сделалась в мирные годы, как мечтала, пе-

вицей, солисткой украинской филармонии. А Герой Советского Союза гвардии подполковник Малик Габдуллин после демобилизации из армии защитил кандидатскую диссертацию, стал директором Алма-Атинского педагогического института, откуда, будучи еще студентом, уходил когда-то добровольцем на фронт. Одаренный лингвист, владеющий несколькими языками, он является автором ряда научных трудов, учебника по казахской литературе, а также составителем обширной хрестоматии и сборника фольклора для высших учебных заведений.

Буржуазные писатели, привыкшие играть на понижении человеческих ценностей, любят пренебрежительно зачислять книги о сильных характерах, благородных чувствах и бесстрашных поступках в «розовую библиотеку», которая, по их мнению, первенствует в советской литературе. Французский критик-коммунист Андре Вюрмсер иронически писал по этому поводу, что повести и рассказы Полевого они бы, вероятно, отнесли туда же.

Но эти книги не из серии «розовых». Еще Писарев справедливо заметил, что отдавать в литературных произведениях патриотические подвиги в руки замаранных и оподленных личностей — значит протуировать идею патриотизма и усыплять в обществе ту чуткость нравственных требований, которая составляет самое прочное и разумное основание любви к отечеству и со-

гражданам. И Мересьев, и комиссар Воробьев, и молодогвардейцы, и Павел Корчагин душевно чистые люди, люди с чистой совестью, те, кто и совершают высокие подвиги патриотизма. Эти слова я привел не в оправдание теории «идеального героя». Человек, совершающий свои патриотические подвиги, мог в прошлом нести тяжкий груз заблуждений и даже «трагической вины» перед своей страной и согражданами. Таких людей мы тоже встречали в жизни и литературе. Советский писатель не исключает их из поля своего зрения. Назовем хотя бы Федора Таланова в пьесе Леонида Леонова «Нашествие». Но наша литература никогда не любовалась и, конечно, не будет любоваться темными сторонами человеческой души, не станет изучать, исследовать и возводить в сан героев людей оподлеленных и растленных.

Что же касается книг Бориса Полевого, то в них вообще редко встречаются отрицательные фигуры. Достаточно напомнить, что даже роман «Золото», примыкающий к приключенческому жанру, он сумел построить, вопреки традиции, без участия отрицательных персонажей. Такая «односторонность» возбуждала, между прочим, у зарубежных друзей нашей книги недоуменные вопросы: что же, разве в советском обществе уже перевелись плохие люди? Разве не было, например, на фронте дезертиров, предателей, перебежчиков? Ведь такие люди появлялись в произведениях других советских писателей.

Все это так. Однако даже по этому признаку книги Полевого не назовешь ни «бесконфликтными», ни «розовыми». Они стоят гораздо ближе к правде жизни, чем те, где «пропорции» добра и зла заранее тщательно взвешены и отмерены. Ведь в «Повести о настоящем человеке» и в других своих произведениях писатель не преуменьшал ни суровых обстоятельств, ни жестокой борьбы с ними, в ходе которой и выковываются сильные, смелые, непреклонные люди. И это не символы, а нечто гораздо большее, это действительно живые люди, наши современники, которым, быть может, снова доведется «попасть» в очерк или рассказ, потому что и нынешняя их жизнь богата замечательными событиями.

Те, кто старались оклеветать нашу литературу, называли ее героев «розовыми». Ее чернили, по сути дела, и те, кто упрекал советских писателей за чрезмерное якобы пристрастие к изображению жертвенности, самопожертвования, не давая себе труда задуматься над тем, во имя каких принципов советский человек шел на смертельную борьбу. Да и разве есть в облике таких людей, как Мересьев или Павлик Корчагин, черты обреченности, страдальчества? Борьба за счастье человечества — их призвание, их возвышенный, благородный долг. Понятия эти давно уже утратили всякий реальный смысл для современных Растиньяков буржуазного общества, для тех, кто выше всего ценит в жизни деньги, карьеру, материаль-

ные блага. Но в изображении новых людей нового мира для широкого круга зарубежных читателей всегда состояла притягательная сила советской литературы. Молодежь на Западе испытывает к ней жгучий интерес, потому что в глубокой шахте, как образно заметил однажды Илья Эренбург, нужен глоток свежего воздуха. А советская книга внушает веру в лучшее будущее.

Я уже приводил примеры прямого, непосредственного вмешательства «Повести о настоящем человеке» в разные судьбы. Хочется сослаться еще на один, пожалуй, ярче других свидетельствующий о плодотворном влиянии хорошей советской книги на чувства и поступки людей. Несколько лет назад итальянские газеты много писали о трагической истории, разыгравшейся в Риме: бедняк-портной Палла задушил своего ребенка, который родился калекой. В журнале «Вие Нуове» было опубликовано письмо другого отца-бедняка. Его ребенок тоже родился калекой — с парализованными руками и ногами. Это привело отца в отчаяние. Правда, католическая сестра милосердия из родильного дома утешала его, говоря, что ребенок, быть может, предназначен богу и в таком случае не долго проживет. Но у самого отца часто мелькала мысль об убийстве... Как ни странно покажется, рассказывал он на страницах «Вие Нуове», но родителей и дочь спасла книга, поразительная история Мересьева, заставлявшая верить в силу человека-борца. Почему надо было

заранее отказаться от всякой надежды? Почему надо было убедить себя в том, что девочка не сможет достойно прожить свою жизнь? Письмо заканчивалось следующими словами: «Моя дочка растет; она достигла возраста, когда дети начинают ходить. Ее ноги по-прежнему искалечены, а руки удалось вылечить. Врачи не очень меня обнадежили. Но я жду. У меня красивая, умная, хорошая девочка с черными блестящими глазами. Она еще не знает о своем несчастье. Она еще не может это понять. Что станет с ней в жизни? В тяжелые минуты я вижу рядом с ней фигуру Алексея Мересяева. Он улыбается. Он будет хорошим ее другом и защитником на всю жизнь...»

Многие рассказы и очерки Бориса Полевого по-хорошему публицистичны и оперативны. Как заметил рецензент газеты «Дейли уоркер», писатель часто использует технику боевой газетной статьи, стремящейся представить факты так, чтобы легко было понять и самые факты и их значение. Да и Полевой как-то писал о коротком рассказе, как о «боевом, оперативном донесении», ставя эти качества в заслугу писателям-рассказчикам. Правда, сравнение рассказа с оперативным донесением вызвало споры в печати — не принижается ли такой аналогией жанр рассказа, не ставится ли он тем самым как бы вне рядов «большой» литературы, не есть ли это призыв фиксировать лишь то, что открылось художнику с первого взгляда? Конечно, рассказ, независимо от

того, сравнивать ли его с боевым оперативным донесением или с чем-то более фундаментальным, может считаться удачным лишь в том случае, если он тщательно выношен автором, отличается отточенностью формы и касается коренных вопросов жизни. Сравнение с боевым оперативным донесением имело определенную полемическую остроту. У нас, к сожалению, — что грех таить! — многие рассказы, появляющиеся в «тонких» и «толстых» журналах под рубрикой «рассказ», отличаются главным образом «кисейным» содержанием и так основательно очищены от живых примет времени, что их если и можно назвать «донесением», то разве только двадцати- или тридцатилетней давности.

В этом смысле рассказы Бориса Полевого из сборников «Мы — советские люди» и «Современники» по энергии заключенного в них действия и актуальности темы выгодно отличались от многих своих сверстников, да и некоторых рассказов последнего времени. О них действительно можно сказать, что они щедро «соучаствовали» в жизни. Другое дело, что, вырастая из газетных корреспонденций, далеко не все рассказы Полевого перерастали их. Оперативность тут порой оборачивалась скорописью. Вводя в повествование живого, реального, часто и поныне здравствующего человека, Полевой, как уже отмечалось, не всегда стремится к углубленному художническому раскрытию его внутреннего облика, вероятно полагая,

что яркие, волнующие факты говорят сами за себя и писателю остается только «донести» их до читателей. Однако в лучших произведениях Полевого материал живой жизни всегда обретает силу художественного обобщения. Воспитательное значение таких книг трудно переоценить. Литературные герои, пришедшие в книги прямо из жизни, становятся добрыми друзьями наших читателей. И Борис Полевой является одним из тех писателей, кто своими произведениями о настоящих советских людях помогает воспитывать у молодежи такие черты характера, которые, как мы говорили в начале этой книги, составляют «секрет» силы и непобедимости советского народа.

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

1. ПРОИЗВЕДЕНИЯ Б. Н. ПОЛЕВОГО

Горячий цех. М., Гослитиздат, 1940.

От Белгорода до Карпат. Из дневника военного корреспондента. М., „Советский писатель“, 1946.

Повесть о настоящем человеке. М., „Советский писатель“, 1948.

Мы — советские люди. Были Великой Отечественной войны. М., „Советский писатель“, 1948.

Золото. Роман. М., „Советский писатель“, 1950.

Повесть о настоящем человеке. „Библиотека советского романа“. М., Гослитиздат, 1952.

Рассказы. М., Гослитиздат, 1952.

Современники. М.—Л., Детгиз, 1952.

Горячий цех. Повести и рассказы. М., Гослитиздат, 1954.

Горячий цех. Повесть. М.—Л., Детгиз, 1956.

Американские дневники. М., „Советский писатель“, 1956.

„За тридцать земель“. „Юность“, 1956, № 10—11.

30 000 ли по Китаю. „Октябрь“, 1957, № 1—4.

2. ЛИТЕРАТУРА О ТВОРЧЕСТВЕ Б. Н. ПОЛЕВОГО

В. ЕРМИЛОВ. *Повесть о настоящем человеке.* „Правда“, 26 января 1947 г.

А. МАКАРОВ. *Мы — советские люди.* „Правда“, 7 октября 1948 г.

Г. ЛЕНОБЛЬ. *Путь писателя*. „Литературная газета“, 24 мая 1950 г.

С. ШТУТ. *Наши современники*. „Октябрь“, 1953, № 1.

Е. КРИГЕР. *Надежный спутник писателя*. „Знамя“, 1953, № 2.

Б. ГАЛАНОВ. *Борис Полевой*. Критико-биографический очерк. Дом детской книги М., Детгиз, 1953.

М. ШАГИНЯН. *„Горячий цех“ Б. Полевого*. Заметки писателя. „Известия“, 30 марта 1955 г.

Б. ГАЛИН. *Люди труда*. „Огонек“, 1955, № 23.

А. КОНДРАТОВИЧ. *Поэзия труда*. „Октябрь“, 1955, № 9.

К. СИМОНОВ. *Современники*. В сб. К. Симонова „На литературные темы“. Статьи. М., Гослитиздаг, 1956.

Г. ВЛАДИМОВ. *Тридцать три дня в Америке*. „Новый мир“, 1956, № 8.

О. ПРУДКОВ. *Дневник американской действительности*. „Литературная газета“, 26 февраля 1957 г.

С. ДМИТРИЕВ. *Два мира*. „Знамя“, 1957, № 8.

Галанов Борис Ефимович

БОРИС ПОЛЕВОЙ

*

Редактор *К. Н. Полонская*

Худож. редактор *В. В. Медведев*

Техн. редактор *М. А. Ульянова*

Корректор *В. Н. Стаханова*

Сдано в набор 20/VI 1957 г. Подписано к печати 10/XII 1957 г. Бумага 70×92¹/₃₂. Печ. л. 3¹⁵/₁₆ (4,60). Уч.-изд. л. 3,94. А 10553.

Тираж 20 000 экз. Заказ № 663.

Цена 2 р. 25 к.

Издательство «Советский писатель»
Москва, К-9, Б. Гнезниковский пер., 10

Типография № 5 УПП Ленсовнархоза
Ленинград, Красная ул., д. 1/3

В 1-1-17 года
Цена р. 23

2 р.25 к.

THE HISTORY OF THE
CITY OF LONDON
FROM THE FOUNDATION
TO THE PRESENT
TIME